

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.Ю. БЕРЕЗИН

БУЛГАРСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ТРАДИЦИОННОЙ ВЕРЫ X–XV ВВ. (КОЛЬЦЕВЫЕ ГОРОДИЩА, СВЯТИЛИЩА, «СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ»)

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 43

А.Ю. Березин

**БУЛГАРСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ
ТРАДИЦИОННОЙ ВЕРЫ X–XV ВВ.
(КОЛЬЦЕВЫЕ ГОРОДИЩА, СВЯТИЛИЩА,
«СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ»)**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2025 год

Чебоксары
2026

УДК 94(470+571)

ББК 63.3(2)4

Б 48

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Научный редактор **Н.С. Мясников**

Рецензенты:

К.А. Руденко, доктор исторических наук,
профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения
Казанского государственного института культуры (г. Казань);

Д.Ю. Ефремова, кандидат исторических наук,
заместитель директора по научной работе Национального музея
Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева (г. Йошкар-Ола);

А.С. Сараев, кандидат исторических наук, научный сотрудник
исторического направления ЧГИГН (г. Чебоксары).

Березин, А.Ю.

Б 48

**Булгарские культовые памятники традиционной веры
X–XV вв. (кольцевые городища, святилища, «строительные
жертвы»)** / А.Ю. Березин; науч. ред. Н.С. Мясников. – Чебоксары :
ЧГИГН, 2026. – 72 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 43).

В научном докладе рассмотрены археологические памятники на территории Волжской Булгарии X–XV вв., которые в силу выделенных маркеров их культового статуса можно рассматривать как булгарские святилища или объекты, связанные с традиционной религиозной практикой. Особое внимание уделено таким памятникам традиционной веры, как кольцевые городища-святилища, кольцевые, прямоугольные и круглоплановые святилища разной планировки, а также «строительные жертвы» в домах и на городищах, принесенные в жертву во время сооружения конструкций валов, рвов и оград. Частично затронута тема преемственности булгарских и чувашских святилищ.

УДК 94(470+571)

ББК 63.3(2)4

© А.Ю. Березин, 2026

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2026

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем докладе предпринята попытка исследования болгарских культовых памятников традиционной веры X–XV вв. Широкие хронологические рамки определены историческими событиями, которые пережило болгарское население с момента становления и расцвета государства Волжская Булгария до его падения и перерождения в Булгарский улус Золотой Орды, а затем нового расцвета, упадка и объединения в период Казанского ханства.

Территориально исследование охватывает земли, некогда входившие в Волжскую Булгарию, где болгарское население проживало в соседстве с финно-угорскими и восточнославянскими народами, а также с хазарами и другими тюркскими племенами.

Дискуссия вокруг вопроса о соотношении традиционной веры и ислама у волжских болгар продолжается уже почти 100 лет. С начала 2000-х гг. вновь обострился интерес к этой теме, в результате чего были пересмотрены многие исторические источники, накопившиеся материалы раскопок археологических памятников создали новую качественную историческую базу¹. В этой связи изучение культовых памятников традиционной веры на территории Волжской Булгарии становится вновь актуальным. Цель настоящего исследования – археологическими методами изучить известные болгарские культовые памятники традиционной веры X–XIV вв. (включая сведения XV в.), не вписывающиеся в концепцию распространенного мнения, что на территории Волжской Булгарии с начала X в. повсеместно была распространена магометанская вера, а уже в XI–XIV вв. все население было охвачено исламом.

К теме болгарских культовых памятников традиционной веры автора доклада привели раскопки Большетаябинского городища, где совместной экспедицией археологов Чувашского государственного института гуманитарных наук и Института археологии Академии наук Республики Татарстан им. А.Х. Халикова вот уже много лет ведутся раскопки кольцевого раннего рва X–XI вв. Полученные сведения позволяют утверждать, что ров носил сакрально-заградительную функцию, а сам памятник на этом этапе служил крупным племенным святилищем.

В докладе использованы термины «традиционная вера», «народные культы», как общие понятия для языческих, дохристианских, доисламских и неавраамических политеистических (многобожных) верований и культов, основанных на обожествлении сил природы, предков и различных божеств, связанных с природными явлениями. Однако в работе не делаются попытки

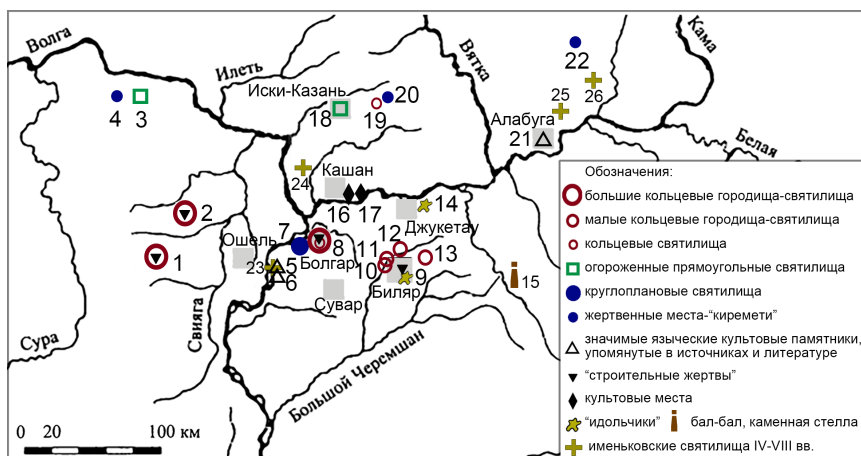

Рис. 1. Булгарские культовые памятники традиционной веры и предшествующие им именковские: 1 – Тигашевское городище-святилище (два святилища и «строительные жертвы»); 2 – ранний сакрально-заградительный кольцевой ров и «строительные жертвы» Большешетябинского городища; 3 – Шинерпосинское святилище «Шинер-Киреметь»; 4 – Чиганарское святилище «Хёрлэ сыр»; 5, 6 – упомянутые в литературе и источниках культовые места на Балымерском и Маклашеевском комплексах памятников; 7 – святилище Ага-Базар; 8 – ранний сакрально-заградительный кольцевой ров, кольцевое святилище и «строительные жертвы» г. Болгар; 9 – «строительные жертвы» и «идолы» из г. Билляр; 10–13 – малые кольцевые городища-святилища Биллярской агломерации (10 – Николаев-Баранское городище I, 11 – святилище «Святой ключ» I, 12 – Горкинское городище I, 13 – Старотатадамское городище); 14 – находка «идолы» на Змеевском городище; 15 – Елховский бал-бал, каменная антропоморфная стела; 16, 17 – священные места на городище Гремячий Ключ и городище Сорочьи Горы; 18 – прямоугольное огороженное ровом и валом Русскоурматское святилище (Иски-Казань); 19 – Чумаелганское кольцевое святилище; 20 – круглое жертвенное место «Киреметь-овраг» у д. Чума-Елга; 21 – упомянутое в литературе и источниках святилище на Елабужском «Чертовом городище»; 22 – жертвенное место Чумойтло; 23–26 – именковские городища-святилища (23 – Балымерское², 24 – Кирбинское³, 25 – Староиргинское⁴, 26 – Кузубаевское⁵).

Использованы карты-схемы культовых памятников народной веры К.А. Руденко и Н.И. Шутовой⁶.

разобраться в религиозной составляющей населения территории Волжской Булгарии, очевидно оно было сложным во все времена. Ислам стал основой государственной идеологии булгарской элиты, а его обрядовая практика господствовала в жизни общества, не препятствуя существованию неисламских культов и традиционных верований. Какими были истоки народной доисламской веры булгар, в которую влились тюркские, финно-угорские и во многом славянские компоненты, также предстоит выяснить в будущем, исследуя культовые археологические памятники, в том числе приведенные в данной работе (рис. 1).

1. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Историография и письменные источники

Изучение болгарских памятников (древностей Волжской Булгарии) прошло через четыре основных этапа⁷, включающих работы историков и археологов, которые исследовали болгарские древности с XVIII в. и до современности.

1-й этап (XVIII в. по 1877 г.). Этот период следует охарактеризовать как время первоначального накопления в отечественной исторической науке достоверных сведений о волжских булгарах и их археологических древностях. Первое полевое обследование болгарских памятников осуществили в 1768–1774 гг. Н.П. Рычков, П.С. Паллас, И.И. Лепехин. Проведенные работы носили в основном регистрационный характер, в них есть упоминания о культовом характере некоторых археологических памятников.

Первое подробное описание Каменного городища, что на Елабуге (Елабужского городища) и каменных развалин на его территории приводится в сочинении Н.П. Рычкова, лично посетившего Елабугу в 1769 г. Он был первым исследователем, определившим развалины каменного здания как остатков «храма язычников». При этом он опирался на сообщения местного жителя Красильникова: «В сем месте бывал храм древних язычников, обитавших в сей стране. Он славен был вещуном или Оракулом, который будто бы в нем находился, и ответы от него подаваемые были столь почитаемые, что со всех сторон народ стекался к нему для вопрошания»⁸.

2-й этап (XIX в.: 1878 – начало 1930-х гг.). В 1877 г. выходит фундаментальная работа С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии». Комплексное изучение материалов позволило автору обосновать хронологию памятников, высказать соображения о возможной локализации ряда исторически известных городов, выдвинуть гипотезу о двух сменявших друг друга столицах домонгольской Булгарии. Есть упоминания о месте и деталях археологического памятника «Святылище “Святой ключ” I»⁹.

Большую роль в исследовании болгарских памятников сыграло Общество археологии, этнографии и истории при Казанском университете (ОАИЭ, 1878–1930)¹⁰. А.Ф. Лихачев на основе изучения бытовых памятников Великой Булгарии приходит к выводам, что мусульманская религия главным образом укоренилась только в царствующей над Булгарией династией и между жителями г. Болгар. Основное население придерживалось своей прежней домусульманской религии¹¹.

Историки, археологи давно задались вопросом, о каком малом граде на высоком берегу Камы идет речь в «Казанской истории», где упомина-

ется «мольбище языческое». В этом сочинении также говорится про малый «старый град именем Бряхов». Мысль о тождестве Елабужского городища – «Чертова городища» – с Бряхимовым выразил К.И. Невоструев: «Но прямо и определенно говорит о Елабужском Чертовом городище, как о древнем Болгарском городе, вышепоказанная летопись XIV века»¹². Этой мысли придерживался П.А. Пономарев, и сегодня эта версия считается самой распространенной, отождествляя «Бесовское городище» с «Чертовым городищем». Однако В.Ф. Смолин, опираясь на татарские рукописи из публикации С.М. Шпилевского, пришел к выводу, что г. Бряхимов является г. Болгаром, на основании свидетельства «неизвестного сочинителя», и считает неубедительными аргументы П.А. Пономарева в пользу отождествления Бряхимова с «Чертовым городищем» близ Елабуги¹³.

В 1898 г. городище «Шелом» (Балымерское городище) обследовалось А.А. Спициным. В 1924 г. памятник осматривался В.Ф. Смолиным, а в 1925 г. на памятнике им проведены небольшие раскопки¹⁴. Несколько траншей позволили выявить культовый характер памятника и поставить вопрос о возможном нахождении здесь болгарского святилища.

3-й этап (XX в.: начало 1930-х – конец 1960-х гг.). начинается систематическими и планомерными раскопками Сувары экспедицией А.П. Смирнова – основателя советского болгароведения, чьи крупные исследования в Суваре, а позднее и на городище «Великие Болгары» составили целую эпоху в изучении болгарских памятников. По справедливой оценке его учеников, эти работы дали «столько материалов по истории города и Болгарского государства в целом, сколько было накоплено за весь предшествующий 225-летний период болгароведения»¹⁵. Исследования ученого были обобщены в монографии «Волжские болгары».

В нелегкие военные годы в 1945 г. была проведена совместная экспедиция Н.Ф. Калинина и О.С. Хованской (Археологическая экспедиция Государственного музея Татарской АССР и Татарского НИИ языка, литературы и истории) по обследованию археологических памятников в бассейне р. Казанки. В своем отчете Н.Ф. Калинин отмечает: «Интересные урочища, вероятно, культового значения /удмуртские/ обнаружены II-ым отрядом у с.с. Р. Урмат и Чума-Елга / см. отчет О.С. Хованской. см. чертеж № 3 и № 1»¹⁶ (рис. 21).

В 1954 г. в надежде исследовать болгарское святилище были продолжены раскопки Балымерского городища Б.Б. Жиромским. Здесь им подробно исследуется культовый комплекс именьковского времени, но многочисленные ямы с подношениями жертвенного комплекса того же времени были приняты за болгарские.

Работы по изучению болгарских памятников на территории Чувашии начаты известным археологом болгароведом А.П. Смирновым, возглавляв-

шим Чувашскую археологическую экспедицию (1956–1959). Полевые работы на Тигашевском городище-святилище проводил московский археолог Г.А. Федоров-Давыдов, который отметил, что городище представляет особый интерес как памятник доисламской религии булгар и зарождающегося феодализма в Волжской Булгарии¹⁷. Им проведены масштабные раскопки на городище в 1956, 1958 и 1959 гг. в составе первого отряда ЧАЭ. Ему удалось выделить три этапа развития, отвечающих разным строительным периодам Тигашевского городища-святилища X–XI вв. (рис. 4).

Г.А. Федоров-Давыдов предполагал, что первое святилище связано с общими племенными культами, второе – с персонифицированным богом, покровителем княжеской власти. А.П. Смирнов подвел итог для разных этапов существования святилищ: видимо, первый строительный период, с которым связано первое булгарское святилище, относится к концу IX–X вв. В X в. строятся замок и второе святилище (II период), а в XI в. наступает третий период жизни городища, связанный с расширением внутренней территории замка и ее застройкой. Городище погибло в конце XI в. или, что маловероятно, в начале XII в.¹⁸

Еще одно раннее кольцевое сооружение было открыто археологическими работами Г.А. Федорова-Давыдова в 1957 г. на булгарском Больше-таябинском городище. Оно представляет собой глубокий ров кольцевидной формы и треугольного сечения, прослеженный на раскопах 1957 г.: XII, II, VII, VIII, IX, X и XI. Ширина рва по верхней грани равна 2,5–3 м, по дну – 0,8–1,0 м. От уровня дневной поверхности ров имеет глубину 1,6–2,5 м, средняя глубина – 2 м. Надеюсь увидеть такую же картину, как на Тигашевском городище-святилище с идолом в центре кольцевого рва, Г.А. Федоров-Давыдов, исходя из предположения, что ров описывает окружность, определил поперечник кольца в 150–170 м, вычислил его центр. В этом месте был заложен раскоп XIII-1957 г., но расчеты оказались неточными, поэтому раскоп не дал ожидаемых результатов. Вследствие этого автор сделал вывод, что кольцеобразный ров окружал поселение на территории городища «Большая Таяба». Возможно, это род маленького феодального замка, кольцевидного по своему плану, аналогичного Тигашевскому городищу. Следов вала с внутренней стороны рва, как и должно было быть в классической фортификации, проследить не удалось. Им было высказано предположение, что вал был распахан и не сохранился до нас, или ров был открытым без вала, поэтому представлял собой примитивное оборонительное устройство, ограниченное рвом и тыном. Однако Г.А. Федоров-Давыдов предполагал культовый статус этого объекта на том основании, что кости лошади встречаются и в нижних штыках заполнения рва чаще, чем на

всем городище. Поэтому он предположил, что культ киремети и связанный с ним в этом месте обычай приносить в жертву лошадь мог бытовать на изучаемом памятнике и в более отдаленное время, чем XVIII–XIX вв.¹⁹

4-й этап (конец 1960-х – начало 1970-х гг. – XXI в.). На современном этапе значительно увеличиваются масштабы полевых исследований, начинается широкое применение естественно-научных методов. Системный подход в изучение болгарских памятников традиционной веры внес К.А. Руденко. В его работе впервые данные культовые памятники традиционной веры отображены масштабно, удалось собрать разрозненные сведения и схематично отобразить их на карте. На основе накопленного материала им выделены разные по типологии культовые места²⁰. Были сделаны важные выводы, что имеющийся материал позволяет предполагать не только длительный период существования культовых мест, связанных с пестротой этнического состава населения болгарского государства домонгольского времени и периода Золотой Орды, но и определенные процессы трансформации народных религиозных культов в позднем Средневековье. В напутствие было сказано: «Исследования болгарского язычества в X в., его эволюция, а также адаптационных процессов кочевников-язычников второй половины XIV в. в местной среде, несомненно, требуют дальнейшего изучения»²¹. Проблемы народной веры и ислама в Среднем Поволжье в XI–XIV вв. были рассмотрены К.А. Руденко и сделаны выводы о том, что в Среднем Поволжье на протяжении почти 500 лет сохранялась конфессиональная стабильность в регионе при наличии государственной религии – ислама. Являясь основным вероисповеданием для населения Булгарии в XI–XIV вв., ислам тем не менее не препятствовал и существованию неисламских культов, тем более что в различные периоды истории его роль как государственной религии частично или полностью утрачивалась (например, после монгольского нашествия или в последней трети XIV в.)²².

Была опубликована статья «Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии» авторов Ф.Ш. Хузина и Б.Л. Хамидуллина²³, в которой авторы подвергли критике концепцию о «языческом характере» культуры основного населения Булгарии до появления монголо-татар. Обрушилась критика на искусствоведа Д.К. Валееву, рассматривающую болгарское искусство домонгольского периода как «завершающий этап языческой культуры». Возражая такой концепции, авторы утверждают, что народная культура вошла в русло основных тенденций развития исламской цивилизации, не противореча ей, а составляя единое целое, как писал И.Л. Измайлов: «...никаких языческих мотивов как эстетического феномена или канона в искусстве средневековой Булгарии не было и быть не могло, поскольку отсутствовало язычество как цельное мировоззрение»²⁴.

Критике также подверглись археологические болгарские культовые памятники традиционной веры, описанные К.А. Руденко. Культовый статус болгарского Тигашевского городища-святилища оказался под сомнением²⁵. Аргументом стало недостаточное количество объектов религиозного плана, чтобы называть этот памятник святилищем. Окончательным доводом против культового статуса Тигашевского городища-святилища, по мнению Ф.Ш. Хузина и Б.Л. Хамидуллина, послужило то, что реконструируемая Г.А. Федоровым-Давыдовым картина, по их мнению, лишена логики²⁶. Авторы утверждают, что также спорна интерпретация К.А. Руденко Балымерского городища «Шелом», святилища Ага-Базар близ г. Болгар и др. Выводы авторов очевидны, что в Волжской Булгарии, даже в ее периферийных областях, ислам окончательно укрепился в домонгольское время, и нет решительно никаких оснований считать ее население приверженцами традиционной веры. Период Золотой Орды, особенно начиная с правления хана Узбека (1312–1342), ознаменован массовым распространением мусульманства на всей обширной территории империи, населенной многочисленными кочевыми, полукочевыми и оседлыми народами преимущественно тюркского происхождения²⁷.

Вновь к теме болгарских памятников народной веры Волжской Булгарии обратилась К.А. Березовская в статье «Предметы религиозного культа болгар из собрания Чувацкого национального музея»²⁸. В статье в общих чертах рассмотрены предметы, которые могут нести культовый характер, из раскопок Г.А. Федорова-Давыдова Тигашевского городища-святилища. Особое место было уделено остову культового столба, который, по мнению автора, мог быть основанием так называемого «юпа» у чувашей – ритуального столба-оси – заменителя священного дерева.

В 2012–2014 гг. археологами и историками ЧГИГН совместно с марийскими исследователями был исследован археологический памятник – Шинерпосинское святилище²⁹. Это сложный культовый комплекс площадью приблизительно в 10 816 кв. м (в пределах подквадратной площадки 104 x 104 м), на котором обнаружены находки, позволяющие его датировать от XII до XIX в., и где фиксируется преемственность традиций болгарских и чувашских святилищ. Широкий хронологический диапазон существования памятника не вызывает сомнения у авторов, потому как использование святилищ на протяжении длительного времени доказывается на материалах культовых мест Марийского Поволжья (Сиухинское – XIII–XIX вв., Юмский жертвенник – IX–XIV вв., Писеральский – XIV–XVII вв. и т. д.)³⁰. Судя по сложным конструктивным элементам памятника, Шинерпосинское святилище является нерядовым сакральным объектом и, скорее всего, было духовным территориальным центром округа. Памятник был отнесен к крупным общеродовым святилищам и нуждается в дальнейшем исследовании.

Письменные источники. Имеются сведения письменных источников по истории культовых проявлений народной веры на территории Волжской Булгарии. Из письменных источников, оставленных арабскими и европейскими путешественниками и географами X–XIII вв., следует, что в домонгольский период традиционная вера была распространена среди разных этносов в государстве Волжская Булгария. О том, что народные культы не были окончательно искоренены в Булгарском улусе и отмечены в Казанском ханстве, свидетельствуют письменные источники XV–XVI вв.

Прологом к источниковедческой базе о традиционной вере булгар может стать история гуннских племен и их святилищ на Северном Кавказе, записанная в «Истории Агван» (VII или X в., точно не установлено) Моисеем Каганкатвази: «Епископ приказал срубить старейшину и так сказать мать высоких дерев, которым приносили жертвы во имя суетных идолов и которым многие поклонялись в стране Гуннов. Князь и дворяне почитали его спасителем богов жизнеподателем, и дарователем всех благ. Этим высоким густолиственным дубам поклонялись, как скверному идолу Аспандшту, принося ему в жертву лошадей; кровь их поливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья деревьев...»³¹.

В записках арабского путешественника и писателя первой половины X в. Ахмеда ибн Фадлана сохранились письменные свидетельства о том, что в Волжской Булгарии были народные культовые места, связанные с традиционной верой. Он описывает святилище на берегу Волги: «И как только приезжают их корабли к этой пристани, каждый из них выходит и (несет) с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой (имеется) лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (куска дерева) маленькие изображения, а позади этих изображений (стоят) высокие деревянные, воткнутые в землю...»³². Иллюстрация этого сюжета всецело отражает культ поклонения на святилище. Обращает на себя внимание его почитаемость. Такое святилище, судя по большому количеству описанных идолов, можно рассматривать как межплеменное не только для упомянутых русов, но и, вероятно, для части населения Волго-Камья, придерживающейся традиционной религии. Ибн Фадлан также сообщает о том, что в Волжской Булгарии использовалось жертвоприношение собак и других животных во время погребального обряда. Он пишет, что во время ритуальной церемонии кремации знатного руса в ладье, вытасенной на берег Волги, первой жертвой стала собака, затем две лошади, два быка и курица с петухом³³. О культе собаки у волжских булгар может свидетельствовать другой эпизод: «Я видел, что они считают очень благодетельным для себя вой собак и радуются ему и предсказывают год изоби-

лия, благословения и благополучия»³⁴. Из вышепредставленных эпизодов Ахмеда ибн Фадлана следует, что культ собаки был распространен среди населения Волжской Болгарии.

В XIII в. упоминания народной веры в Волжской Булгарии встречались у проповедников и путешественников того времени, в связи с миссионерской деятельностью христианской церкви на ее территории. Извлечение из записи доклада венгерского монаха Риккарда (в тексте Юлиан) римскому папе весной 1237 г. о его путешествии в 1235 г. и пребывании в Волжской Булгарии: «Великая Болгария есть царство обширное и могущественное, в котором много богатых городов; но жители все язычники. Впрочем говорят в этом царстве публично, что скоро должны сделаться христианами и подчиниться Римской церкви, но дня не знают, а так слышали от своих мудрецов...»³⁵. Косвенным подтверждением существования таких слухов может служить «Житие» Авраамия Болгарского³⁶.

Изучая святилище Ага-Базар в пригороде г. Болгара, К.А. Смирнов справедливо задался вопросом: «...каким образом в центре мусульманства, близ города, откуда вышли проповедники ислама, могло существовать древнеродовое святилище? Не является ли предложенная дата – XIV в. – слишком поздней?»³⁷. В доказательство правоты выводов он приводит некоторые источники: «Автор самого начала XV в. Клавихо сообщает, что “Едигей обратил и обращает постоянно татар в магометанскую секту”³⁸. В эпизоде из «Казанской истории» (источник середины XVI в.), упоминаются «волхвы – служители религиозного культа»³⁹. В предании о «Чертовом городище» (Елабужском городище), приведенном Н.П. Рычковым в книге «Опыт Казанской истории древних и средних времен» (1767), есть описание: «В летописи объявляются здесь разные дива, чудеса и проречения, возвещающие падение Казанское. Между тем в 34 главе скажется, что в некотором улусе на высоком берегу Камы реки был небольшой каменный пустой город, остаток древних еще болгар. Бывали тут изстари разные мечтания, и суеверные Казанцы бежали туда вопрошать и ворожиться от находившихся при том городке волхвов. Приносили тут жертвы и получали ответы, так как древние идолопоклонники от своих оракулов. Царица Казанская нарочно посылала от себя знатнейшего своего духовного Сейта, спросить беса, одолеет ли она Московского Государя. По многих жертвах никакого ответа не было...»⁴⁰.

Некоторые сведения о религиозных народных праздниках, сохранившихся у населения Казанского ханства, имеются у русского историка-переводчика А.И. Лызлова в книге «Скифская история» (1692). В одном эпизоде упоминается празднование нечестивого царя со всеми своими князьями, мурзами и многим поганским народом – татарами, черемисами и чуваша-

ми, пришедшими из города и дальних мест в поле, где стояли шатры во время праздника своего поганского⁴¹.

Данные письменные исторические источники X–XVII вв. отражают духовную составляющую народа, – основанную на традиционной вере части населения территории Волжской Булгарии.

1.2. Предмет и методы исследования святилищ и других археологических памятников, связанных с религиозным мировоззрением булгар

Основным видом культовых памятников традиционной веры являются святилища – места постоянных молений и жертвоприношений, на которых имелся объект поклонения – идол и (или) жертвенник. Среди славянских святилищ И.П. Русанова и Б.А. Тимошук выделяют несколько типов⁴²: 1) круглые площадки-капища с идолом в центре, ограниченные ровиком или системой отдельных ям; 2) такие же площадки, огражденные валом и рвом, – малые городища-святилища; 3) деревянные постройки, внутри которых стояли идолы, – храмы; 4) городища-убежища, служившие культовым целям и содержавшие культовые объекты; 5) большие культовые центры, в которых сочетаются все типы святилищ, культовых мест и почитаемых природных объектов.

Понятие «святилище» трактуется исследователями по-разному, исходя из типологии культовых памятников, где на первом месте выступают региональные особенности той или иной культуры и (или) этноса. Поэтому объем понимания культовых памятников не исчерпывается только пятью категориями в типологии. В настоящей работе к рассматриваемым булгарским доисламским культовым археологическим памятникам мы относим:

- кольцевые городища-святилища – археологические памятники, которые имеют кольцевую планировку, могут быть большими и малыми. Такие сооружения окружены внутренним рвом и внешним валом, внутри круга фиксируются яма, иногда – следы идола, рядом – жертвенные площадки с остатками жертвоприношений;

- круглоплановые, нередко кольцевые святилища – выступающие больше в качестве круглых площадок-капищ, возможно, с идолом в центре. Как правило, небольшая площадка может быть окружена системой ям жертвенного характера, часто с остатками костров или кольцевым рвом;

- прямоугольные святилища, огороженные внешним валом и внутренним рвом, внутри могут находиться объекты ритуального значения. Прямоугольные площадки, огороженные частоколом, нередко образуют единый комплекс с кольцевыми городищами;

– жертвенное место – место жертвоприношений и даров божеству, как на разнообразных святилищах, так и в специальных местах – киреметях;

– «строительные жертвы» также называются строительными прикладами или закладными жертвами, – культовые объекты, связанные с ритуальной деятельностью, представляющие останки людей, животных или их частей, а также вещей, положенных в качестве оберега (нередко в благоустроенные или специальные места) при закладке строительных объектов – домов, заборов, валов, рвов и др.

Определение культового статуса археологического объекта. Для исторического периода IX–XIV вв. в качестве святилищ имеют наибольшее значение кольцевые городища, иногда типологически обособляемые в городища-святилища. Чаще всего в качестве святилищ рассматриваются памятники, когда рвы, окружающие их, находятся перед валом (с внутренней стороны), что неудобно для обороны. Но на кольцевых городищах-святилищах может быть однорядная система вала со рвом снаружи или сложная система сочетаний валов и рвов: рвы по обе стороны одного вала, несколько линий валов и рвов в разной последовательности. Городищами-святилищами могут быть и другие типы городищ (например, мысовые городища), если на них зафиксированы следы ритуальных действий. Во всех таких случаях необходимы дополнительные доказательства для определения культового статуса городища. Круглоплановые святилища обычно небольшого размера, имеют центральную столбовую яму, где стоял столб-идол, вокруг выстроена система из костровых ям и (или) столбов. Более сложные, крупные святилища сочетают разные объекты: кольцевые рвы и валы, идолов, огороженные площадки, длинные дома и другие объекты культового назначения, следы ритуальных костров и т. д.

На основании разных критериев выделения культового статуса археологического объекта А.А. Свириным рассматриваются четыре группы маркеров, имеющих много вариантов конкретных проявлений и в совокупности определяющих культовый статус памятника⁴³:

I группа маркеров. По наличию чего-то очевидно культового (идол; культовые вещи; votивные предметы в виде зооморфных, антропоморфных изображений; амулеты; писанки – глиняные пасхальные яйца с нанесенным орнаментом-рисунком в традиционной культуре славянских народов; керамика с нанесенными знаками; черепки бытовой посуды со следами металла и т. д.); необычные захоронения целых или части костяков, а также черепов диких и в особенности домашних животных, археоастрономическая планиграфия строений городища.

II группа маркеров. По отсутствию каких-то характерных маркеров других археологических памятников и объектов (нет признаков хозяйствен-

ной и производственной деятельности, нет «жилого» культурного слоя, нет остатков жилищ, нет очага в постройке.

III группа маркеров. По необычности традиционных признаков, характерных для поселений: необычный вал (или ров), их размер, форма, материал, взаиморасположение, наличие в основании, на вершине, дне дополнительных нетипичных необоронительных конструкций; маленькая площадка городища; нестандартная постройка с конструктивной точки зрения (фундамент, толщина и конструкция стен, опор, ориентировка, размеры, нехарактерные по сравнению с другими объектами на памятнике элементы архитектуры, декора) или из необычного материала; колодец, не достигающий до водоносных слоев; нетипично обширные следы применения огня (кострища, открытые очаги, скопления угля); необычные повседневные предметы (недоделанные или плохо сделанные, испорченные, с нанесенными знаками, символами); несинхронные комплексу или памятнику предметы – «раритеты»; уникальные для памятника, территории или времени находки (с точки зрения стиля исполнения, формы, материала), либо исключительный состав находок в постройке по сравнению с другими сооружениями на поселении; нетипично сильная фрагментированность находок).

IV группа маркеров. По абсолютно очевидным параллелям (топографии, конструкции и составу находок) с объектами, культовый статус которых несомненен и признается всеми исследователями⁴⁴. Как показывает историографическая ситуация, такое оказывается возможным лишь для объектов, имеющих территориально и (или) хронологически близкие этнографические аналогии либо подробные описания в письменных источниках.

Методика определения месторасположения вала вокруг или внутри кольцевого рва по характеру его заполнения. Основным объектом кольцевого городища-святилища является ров, который либо виден на поверхности сегодня, или выявляется в ходе археологических раскопок и геофизическими исследованиями. Ранние булгарские кольцевые рвы часто оказываются закопанными во время перестроек городищ и возведения новых линий рвов и валов. В этой связи важно методически обосновать их расположение, а также реконструировать их первоначальный вид. Для определения, с какой стороны относительно рва был насыпан вал, предлагается рассмотреть схему обратного естественного или искусственного процесса заполнения траншеи (рис. 2)⁴⁵.

Если вынутый из канавы грунт был перенесен только на одну сторону рва в качестве вала, а затем ров оказался засыпан осыпавшимся или преднамеренно срытым грунтом с вала, то месторасположение вала можно

восстановить по асимметричному заполнению грунта в профиле рва (рис. 2: 3). Поскольку грунт в ров осыпается больше с вала, то местоположение несохранившегося вала выявляется по стенке, на которую грунт осыпался и где заметно больше – относительно противоположной стенки рва. Такая асимметрия засыпанного грунта определяется глазомерно, разделением поперечного профиля рва на две симметричные стороны. В результате преднамеренной засыпки рва асимметрия сброшенного грунта будет заметно больше (рис. 6; 26; 27). Важно проследить обратную последовательность слоев при откапывании рва и формировании насыпи вала относительно естественной стратиграфии и возможную последовательность слоев засыпанного рва.

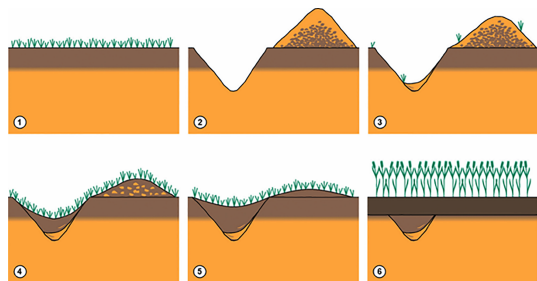

Рис. 2. Схематическое изображение гипотетического заполнения однофазной траншеи (на основе графики Э. Драганич): 1 – исходная ситуация; 2 – строительство рва и вала; 3 – увеличение скорости естественной обратной засыпки предпочтительно легкой почвой, которая обычно оказывается наверху при выемке грунта; 4 – после восстановления растительного покрова процесс обратной засыпки существенно замедляется, заполняясь поверхностным буро-гумусовым почвенным материалом; 5 – конечное состояние естественного запыления рва и выветривания вала; 6 – образование окультуренной сырой почвы в результате сельскохозяйственного земледелия.

Профили заполнения рва часто отображают события его «жизни»: начиная от момента отрывания, затем использования, возможного возобновления, рекультивации, смены исторических эпох, связанных с накоплением разновременных культурных слоев, вплоть до современного его состояния. В этой связи важно выделение общей хроностратиграфии слоев, как это исследовано на примере ранних болгарских ровов г. Болгара (рис. 13), где нижние культурные слои хорошо соотносятся с болгарскими V–VI слоями, а верхние культурные слои соответствуют строительным этапам и накоплению грунта в золотоордынское время – III–IV слои. В целом, в зависимости от того, с какой стороны от рва располагался вал, можно судить о предназначении всего кольцевого сооружения. Если вал со стороны площадки городища сформировался из грунта выкопанного рва с внешней стороны насыпи, то чаще всего такая конструкция отвечает фортификаци-

онным требованиям защиты городища. С точки зрения сакрально-заградительной функции, ров выкапывался со стороны площадки святилища, а вал насыпался с наружной стороны, чтобы оградить сакральное место и ров от внешнего мира.

2. КОЛЬЦЕВЫЕ ГОРОДИЩА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ X–XIII ВВ.

Изучая типологию строительства фортификации городищ в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI в., А.М. Губайдулин выделяет четыре традиционных типа и девять групп по количеству оборонительных линий – ровов и валов⁴⁶. Как отмечает исследователь, все линии укреплений городищ строились по классической схеме, когда рвы располагались с внешней стороны, а валы – с внутренней. Однако А.М. Губайдулин обратил внимание на то, что известно значительное количество поселений с противоположной системой обороны, когда рвы располагаются с внутренней стороны, а валы с напольной части. Он также отмечает: «О функциональных особенностях этого фортификационного приема нам пока судить трудно, т. к. одно из основных препятствий для штурма со стороны эспланады отсутствовало. Не исключено, однако, что эта оборонительная схема сосуществовала в древности с какими-то дополнительными защитными ограждениями, выдвинутыми в поле»⁴⁷. В пример приводятся кольцевые укрепления Николаев-Баранского I городища, расположенного в Закамье (рис. 1: 10; 3: 2). К.А. Руденко считает, что сооружения валов и ровов таких малых городов-святилищ выполняли не столько оборонительные или производственные, сколько ритуальные функции. Однако, по его мнению, без детального археологического исследования самого памятника и окружающей его территории это предположение может служить только гипотезой⁴⁸.

2.1. Святилища Билярской агломерации археологических памятников X–XIII вв.

Билярская агломерация археологических памятников – это компактное скопление средневековых населенных пунктов, объединенных в сложную многокомпонентную систему с интенсивными производственными, торговыми, транспортными и культурными связями. К кольцевым «городищам», когда ров располагается с внутренней стороны, а вал с напольной части, можно отнести 4 сооружения, находящиеся немного севернее г. Биляра. Вместе с селищами и городищами X–XIII вв. они представляют округ столицы Волжской Булгарии (рис. 3: 5)⁴⁹. Такие круглоплановые городища с кольцевой сакрально-заградительной линией рва и вала лучше всего называть городищами-святилищами. Два из них, в Алексеевском районе, относительно небольших размеров, находятся на малом отдале-

нии – около 2 км от Биляра. Городище «Святой ключ I» (Шелом I), оно же «Святилище “Святой ключ” I») (рис. 1: 11; 3: 1) находится на левом берегу р. Малый Черемшан, в 2,5 км севернее г. Биляра. Расположено на вершине крутой горы, окружено напольным кольцевым внешним валом и внутренним рвом (диаметр около 60 м). Николаев-Баранское городище I (рис. 1: 10; 3: 2) находится на левом берегу р. Баранки, правого притока р. Малый Черемшан. Расположено на ровном и относительно низком месте, округлой формы, окружено напольным кольцевым внешним валом и внутренним рвом (общая площадь 1,36 га)⁵⁰. Два других, в Аксубаевском районе, значительно крупнее, равно отдалены на расстояние в 10 км от других подобных городищ-святилищ. Примерно на таком же расстоянии находятся от г. Биляра. Горкинское городище I (рис. 1: 12; 3: 3) расположено на склоне слегка опускающегося левого берега р. Малый Черемшан. Имеет округлую форму (общая площадь 2,16 га), защищенную напольным круговым валом высотой до 1,5 м и рвом на внутренней площадке. Старотатадамское городище (рис. 1: 13; 3: 4) находится на правом берегу р. Адамки, левого притока р. Малый Черемшан. Расположено на ровном и относительно низком месте, овальной формы, окружено напольным кольцевым внешним валом и внутренним рвом (общая площадь 4,99 га).

Все эти городища-святилища X–XIII вв. представляют единый комплекс выстроенных кольцевых сооружений на реках Малый Черемшан и Адамка, в местах компактного проживания сельского населения, севернее и восточнее столицы Волжской Булгарии – г. Биляра (рис. 3: 5). Рядом с коль-

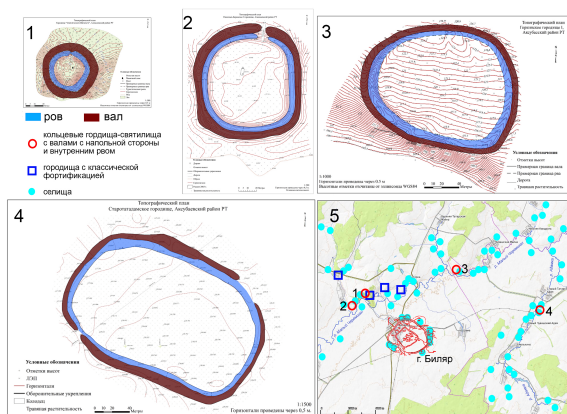

Рис. 3. Археологические памятники X–XIII вв. в окрестностях г. Биляр⁵¹: 1 – «Святилище “Святой ключ” I»; 2 – Николаев-Баранское городище I; 3 – Горкинское городище I; 4 – Старотатадамское городище; 5 – карта расположения городищ-святилищ, городищ и селищ на реках Малый Черемшан и Адамка, рядом с г. Биляр.

цевыми сооружениями присутствуют того же времени мысовые городища с классической фортификацией, что косвенно указывает на ритуальный характер кольцевых городищ.

«Святилище “Святой ключ” I» X–XIII вв. Пожалуй, мало у кого вызывает сомнение культовый статус археологического памятника «Святилище “Святой ключ” I», расположенного в 3 км к северо-западу от столицы Волжской Булгарии г. Биляр⁵². Его можно соотнести с IV группой доказательств культового статуса, когда местное население веками сохраняло память о его религиозном значении и продолжает почитать древний объект в своей культовой практике. Татары гору называют *Хужалар тавы* (рус. «Гора Хозяина»), также у горы есть второе название: *Ху-Джалар-Таву*, возможно означает «Главная гора». В этнографическом обозрении это место было главной Билярской киреметью у чувашей. По сей день чувашаи эту местность, святой источник, место моления и священную могилу на горе называют *Валём-Хуҫа*, *Вальәм-Хуҫа* или *Мелём-Хуҫа*, а татары – *Маалюм* или *Балым ходжи*. И.Н. Березин так описывает эту местность: «Развалины древней столицы Волжской Болгарии лежат около нынешнего пригорода Чистоп. у. Казан. губ. Билярска; здесь, на вершине горы, по словам татарского летописца половины XVI в. Хусам-эд-Дина Болгарского, находятся могилы трех великих шейхов; один из них – Ходжа Асгар, иначе Маалюм-Ходжа; другой – Абдулла-Ходжа-Чубар, известный под именем Абдуллы; третий – Шейх-Мухаммед»⁵³.

В одном архивном деле за 1771–1772 гг. отмечается приход в мае–июне 1769 г. «...уфимских татар и башкирцев... под видом... приношения ...жертвы... Казанской губернии в пригород Билярск немалыми партиями, человек по 100, по 200 и 300»⁵⁴. Сегодня святилище «Святой ключ» – крупнейший в Восточной Европе духовно-религиозный, сакральный жертвенный комплекс для людей разных исповеданий монотеистических религий. Памятники «Святилище “Святой ключ” I» и «Городище “Святой ключ” II» относятся к Билярскому государственному историко-археологическому и природному музею-заповеднику.

Еще одним доказательством IV группы культового статуса памятника «Святилище “Святой ключ” I» являются этнографические материалы, связанные с Билярской киреметью. Интересные сведения, опубликованные И.Н. Березиным в труде «Булгары на Волге», приводятся тюркологом и специалистом по чувашской культуре и языку Н.И. Ашмариним в труде «Болгары и чувашаи»: «В дошедшем до нас отрывке из одной татарской челобитной 1677 г. имя первого из этих шейхов читается Балын-Гозя, и о нем в ней сочинена басня, называющая его царем бусурманского Булымерского города за Камой-рекой. Имя этого шейха, по-видимому, должно было пользоваться весьма громкой славой, в этом мы убеждаемся, например, из

того обстоятельства, что у чуваша, обитающих в различных местностях, он сделался предметом почитания, обратившись в какое-то божество. ...В одной из имеющихся у меня чувашских рукописей, среди имен различных божеств, упоминаемых во время молений и записанных в с. Сунчелееве Старо-Мокшинской вол. Чистоп. уезда, значится наряду с именем самого Валём-Хуҫа также и имя его матери (Валём-Хуҫа амăш), причем в сноске под страницей сделано объяснение: Валём-Хуҫа Пўлрти таса ҫăл, т. е. Валём-Хуҫа – чистый (или святой) источник билярский»⁵⁵.

Н.И. Ашмарин отмечает, что у ядринских чувашей чудом уцелело прежнее название билярской святыни в виде местного падежа склоняемого имени «Полярда». Этим именем чуваша, живущие на р. Сорме, называют Главную Киреметь. Этимология и первоначальное значение собственного имени (Билярск) уже давно позабыты, но оно используется в начале молитвенной речи: «Главная Киреметь, Крутая Гора, Полярда! мы сварили пива, чтобы помянуть вас и принести вам жертву; заколоть лошадей и коров, мы наварили вам яств...»⁵⁶. Н.И. Ашмарин считал, что в молитве упоминаются три разных киремети, однако склонение «Полярда» напрямую указывает на то, что речь идет о Главной Киремети на крутой горе, рядом с Биляром – «Святылище “Святой ключ” I».

Есть еще одно предание, сохранившееся благодаря потомственному жрецу Амоксярского святилища Г.А. Енисееву. В нем говорится о войске Амака (*Амак ҫар*) пришедшем сюда из столицы Волжской Булгарии Биляра (*Пўлер*) после гибели государства от нашествия монголов. Войско жило около озера Пыляр в землянках, но позднее переселилось на правобережье Волги, основав большое количество деревень и их выселков⁵⁷.

В 1983 г. на площадке святилища «Святой ключ» I были заложены шурфы, не вскрывшие культурного слоя, что также может служить доказательством культового статуса памятника II группы маркеров. Скорее всего, здесь располагалось булгарское святилище, продолжавшее существовать и позднее⁵⁸. Среди критериев III группы маркеров особо выделяется небольшой размер самого кольцевого городища. Следует отметить необычное ограждение кольцевым наружным валом и внутренним глубоким рвом, характерными для сакрально-заградительных функций святилищ, и нетипичное расположение городища кольцевой формы на высокой горе. По соседству на схожем мысу расположено синхронное подтреугольной формы, мысового типа, городище «Святой ключ» II с напольным наружным рвом и внутренним валом⁵⁹. На этом городище отмечены каменные развалины, вероятно, сторожевой башни г. Биляра. Упомянутую могилу или место, напоминающее захоронение, в центре площадки святилища «Святой ключ» I также можно рассматривать в качестве надежного критерия доказательства культового статуса археологического объекта.

Анализ приведенного материала с большой долей уверенности позволяет отнести к культовому объекту городище, оно же святилище «Святой ключ» I (Шелом I), находящееся в 2,5 км от г. Биляра, где вал и ров несли сакрально-заградительную функцию. Другие кольцевые городища-святилища на р. Малый Черемшан значительно крупнее и расположены на слегка опускающемся к реке склоне. Их валы и рвы устроены аналогично с городищем «Святой ключ» I (Шелом I). Это обстоятельство выделяет памятники с обратной последовательностью рвов и валов от укрепленных городов и сближает их с другими известными городами-святилищами или святилищами, распространенными по всему Старому Свету в разные исторические эпохи. В исторической ретроспективе этот памятник стал местом поклонения чувашей, татар и башкир. Оно связано с могилой легендарной, обожествленной личности Балын-Гозя. В приведенной Степаном Мельниковым выписи от 1698 г. служилые и ясачные татары, для того чтобы сохранить за собой пашенные и сенокосные угодья той местности, представили в качестве доказательства легенду, в которой говорилось о захоронении здесь царя Балынгозя из г. Балымеры. Анализ всех имеющихся сведений позволил связать памятник «Святилище “Святой ключ” I» с Балымерским комплексом памятников на Волге.

2.2. Тигашевское городище-святилище «Хула вырӑнӗ» X–XI вв.

Тигашевское городище-святилище расположено на западной окраине д. Тигашево Батыревского округа Чувашии, на ровной поверхности правого берега р. Булы (рис. 1: 1). Границей памятника с севера является старица реки, с юга – дорога Тигашево–Именев. Площадь его около 2 га, округлой формы (170–200 м в поперечнике). Здесь обнаружены остатки мощной системы оборонительных сооружений (кольцо из 4 рядов валов и 3 рвов) (рис. 4). Третья и четвертая линии валов сохранились плохо. Все валы соединялись в северной и северо-западной части городища, которая, будучи защищенной рекой и болотами, была укреплена одним валом без рва. По предположению автора раскопок, ров перед внешним валом в древности заливали водой из озера через протоку. Мощность культурного слоя 60–70 см. Раскопками на городище вскрыта площадь более 6 тыс. кв. м, получен богатый вещевой материал. Во втором слое открыты остатки первого болгарского общеплеменного святилища. В третьем слое выявлены материалы, отражающие реорганизацию первого святилища, строительство фортификационной системы и возведение второго святилища с деревянным идолом. Четвертый слой представлен следами жилищ и ремесленных построек, возведенных, видимо, на месте уничтоженных второго святилища и внутреннего кольца обороны. Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что в конце IX – начале X в. на р. Буле поселились болгарские племена⁶⁰.

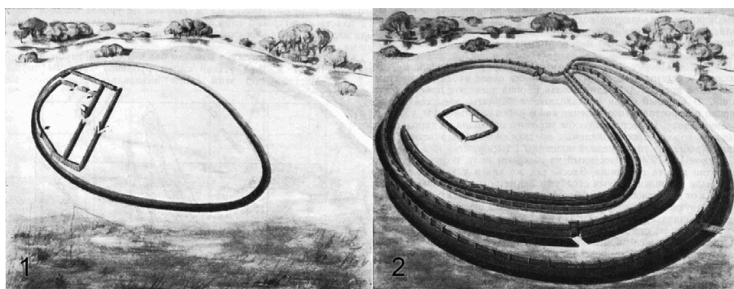

Рис. 4. Этапы функционирования Тигашевского городища-святилища по Федорову-Давыдову⁶¹: 1 – первое булгарское святилище, 2 – второе булгарское святилище с идолом и оборонительной системой городища.

I этап функционирования Тигашевского городища-святилища (первое булгарское святилище) X–XI вв. На I этапе городище-святилище представляло собой большую территорию, огороженную кольцевым рвом и, вероятнее всего, внешним валом (рис. 4:1) – по аналогии с другими булгарскими кольцевыми городищами Билярской агломерации археологических памятников (рис. 3). В юго-западной части Тигашевского городища-святилища выделяются прямоугольные строения (рис. 5) на площади (около 3200–3300 кв. м), обнесенные деревянным (дошатым) забором. От забора сохранились канавки шириной 30–40 см и глубиной 20–60 см. В канавках следов от досок не найдено, так как, по наблюдению Федорова-Давыдова, доски забора были извлечены, а канавки засыпаны при последующей перестройке. Канавки очерчивают неправильный четырехугольник, приблизительные размеры которого 49×60 м. В западной и северо-западной части канавки прослеживаются участками вдоль внутренней части рва⁶². В западной части большая часть рва оставалась открытой со стороны главной площадки, что подтверждается отсутствием канавок в раскопах II, IV, VII, XIII, XIV-1959 г.

Выявленные канавки от тынового забора (или частокола) огораживали главную площадку святилища и были выстроены как внутренний и внешний ромбы, ориентированные углами по сторонам света (рис. 5). В качестве главных обособляются восточные углы внутреннего и внешнего ромбов (рис. 5: Б: 9). Юго-восточная сторона ромбов представляла собой две параллельные стены святилища с проходами в средней их части. Во внешней стене длиной 60 м в середине был оставлен проход шириной 2,4 м (раскоп III-1958 г.), его столбовые ямы были четырехугольной формы⁶³ (рис. 5: Б: 5). Это дает основание предполагать устройство здесь распашных ворот с выходом на внутреннюю территорию кольцевого рва. Второй проход (раскоп XV-1959 г.) был оставлен на параллельной юго-восточной внутренней стене, но он не имел столбовых ям (рис. 5: Б: 6). Федоров-Давыдов указывал

на магическую роль рва I этапа болгарского святилища, приводя примеры древнерусских святилищ в Перыне⁶⁴. Тогда как А.П. Смирнов⁶⁵ обратил внимание на прямоугольные постройки из двух рядов частокола: «Детали первого из них, открытого раскопками, заставляют сопоставить его с языческим капищем, открытым К. Шкорпилом еще в 1900 г. в болгарском городище Плиске. Эти раскопки, продолженные в последние годы С. Михайловым⁶⁶, уточнили детали сооружения и позволят проследить план капища, состоящий из двух вписанных один в другой прямоугольников». Святилища с такой планиграфией, преимущественно ориентированные углами по сторонам света, известны в Болгарском царстве: Плиска, Преслав, Калугерица, Мадара, храм под Даулташ, а также в Хазарском каганате: Хумара и Маяцкое поселение⁶⁷. В Маяцком поселении исследованы три культовые постройки. Одна из них – постройка № 21, по мнению З.Х. Альбеговой и М.Г. Гусакова, вероятнее всего, была связана с двумя важными календарными праздниками – весеннего равноденствия (начала сева) и летнего солнцестояния (первого урожая). Прослежены основные археоастрономические ориентировки постройки № 21 – на восход солнца в день летнего солнцестояния, направление на восход низкой луны в период осеннего и весеннего равноденствия, направление на восход высокой луны в период зимнего солнцестояния⁶⁸.

Тюркские народы представляли землю в виде четырехугольного (квадратного) пространства. Видимым «краем» земли была, естественно,

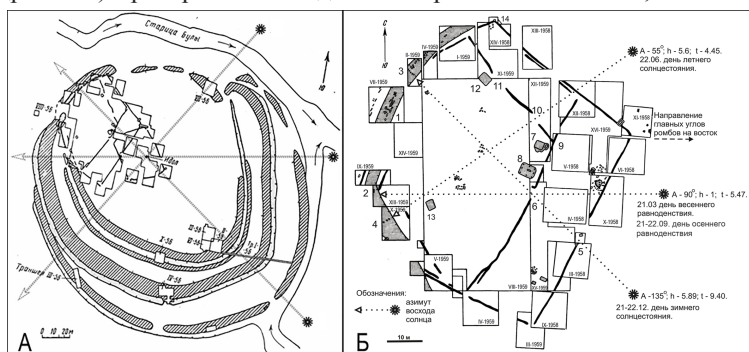

Рис. 5. Планиграфия культовых сооружений Тигашевского городища-святилища по Г.А. Федорову-Давыдову: А – общий план, стрелками показаны возможные направления восхода солнца в главные даты солярного календаря; Б – планиграфия площадки первого святилища: 1 – ров; 2 – место главного входа; 3, 4 – ряд кольев (риски-метки солярного цикла); 5 – проход во внешнем юго-восточном заборе с воротами; 6 – проход во внутреннем юго-восточном заборе; 7 – жертвенник-алтарь; 8 – «Дом огня»; 9 – главный восточный угол; 10 – первый проход в северо-восточном внутреннем заборе; 11 – второй проход в северо-восточном заборе; 12, 13 – ямы с костями и керамикой; 14 – столбовая яма в северном углу (возможно, стоял идол).

линия горизонта. Поэтому эмблемой неба издавна являлся круг, образованный одной бесконечной линией, а эмблемой земли служил квадрат, очерченный несколькими сходящимися под углами линиями⁶⁹. В мировоззрении такой модели мира вместо понятий о сторонах света выступают понятия об углах света. Л.Л. Викторова считает модель замкнутого пространства, выраженную через формулу *tort bulun kor* – «четыре угла света», характерной особенностью восприятия мира тюркскими народами⁷⁰. В эту модель также вписывается понятие о священном почетном восточном угле – *tor (tur)*, обычно расположенном напротив входа в жилищах кочевников. Внутри этой сакральной территории находился столб (ось мира) и ящик с семейными идолами – духами предков⁷¹. Данные этнологические наблюдения согласуются с общим устройством первого булгарского святилища, отражающего сюжетную схему древнетюркской мифологии, где пространство святилища выстроено в виде подквадратного ромба, ориентированного углами по сторонам света. Особо выделяется главный восточный угол и юго-восточная сторона. Сакральный непрерывный кольцевой ров здесь выступает в качестве циркумполярной модели, отображающей большой круг небесной сферы, по которому происходит видимое с земли годичное движение солнца и луны.

С северо-западной и западной сторон огороженная часть святилища была укреплена кольцевым рвом шириной около 5 м и глубиной до 1,8 м (рис. 5: 1). Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что «ров окружал древнее святилище, который примыкал к его С-западной части. На раскопах I, IV, II, VII, устлан обмазкой из крупно рубленного камыша или соломы»⁷². Указывается толщина обмазки около 5–7 см, позже уточняется – 10–12 см. Обкладка дна рва тростником или соломой могла использоваться в качестве мульчи, препятствующей зарастанию, или выстилки под ногами во время массовых церемоний, а по мнению В.Ю. Ковалю, могла быть частью построек – «возможно, от кровли каких-то сооружений на площадке святилища?»⁷³. Местами под этим слоем находились деревянные палки и доски. Выше в заполнении рва черноземом было найдено много досок и бревен⁷⁴. Г.А. Федоров-Давыдов сделал предположение, что засыпка рва была осуществлена после существования I этапа булгарского святилища. Сброшенные в ров доски и бревна некогда представляли деревянные конструкции, в том числе тынового забора. На относительно перпендикулярных рву профилях раскопов VII-1959 г. и I-1959 г. хорошо видно (рис. 6: А), что заполнение глинистым грунтом осуществлялось с его внешней стороны. Г.А. Федоров-Давыдов отмечает, что при расширении территории городища, которое связано с верхним слоем и застройкой его, ров был засыпан землей из окружающих его валов⁷⁵. Заполнение рва хорошо прослежива-

ется в профиле южной стенки рва раскопа VII-1959 г. (рис. 6: А: 1). Хорошо видна «обмазка» по всей поверхности дна рва. Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что на раскопах I, II, IV, VII, там где вал лег на ров, естественный заплыв рва был сохранен, и благодаря этому сохранились деревянные конструкции и его обмазка⁷⁶. Над ней – заполнение рва черноземом (черное заполнение). Выше над черноземом слой чистой желтой глины. Сверху над глиной – вновь чернозем вперемешку с досками и бревнышками⁷⁷. Затем была сброшена желтая глина с включениями гумуса чернозема (рис. 6: А: 1). При этом с внешней стороны рва вдоль всего его западного борта сохранились большие скопления угля и обугленная древесина. Складывается впечатление, что здесь специально неоднократно жгли костры по краю рва, возможно, во время определенных празднеств. Участками в местах скопления угля просматриваются траншеи по краю рва, как видно на профиле западной стенки раскопа I-1959 г. (рис. 6 А: 3). В профиле западной стенки раскопа VII-1959 г. за наружными пределами рва хорошо видна небольшая толща желтой глины с углем (рис. 6: А: 2)⁷⁸. Здесь же много обгоревшего дерева (рис. 5: 1). Данные наблюдений свидетельствуют, что во время засыпки рва срывался вал с внешней стороны. Это значит, что первое болгарское святилище было огорожено изнутри кольцевым рвом и валом снаружи.

Таким образом, выявлено очень важное доказательство культового статуса Тигашевского городища-святилища из III группы маркеров – несвойственное взаиморасположение кольцевого вала и рва для оборонительных конструкций, но характерных для святилищ. Важным доказательством также является закономерность выстроенных прямоугольных тыновых стен, ориентированных углами по сторонам света и вписанных в простран-

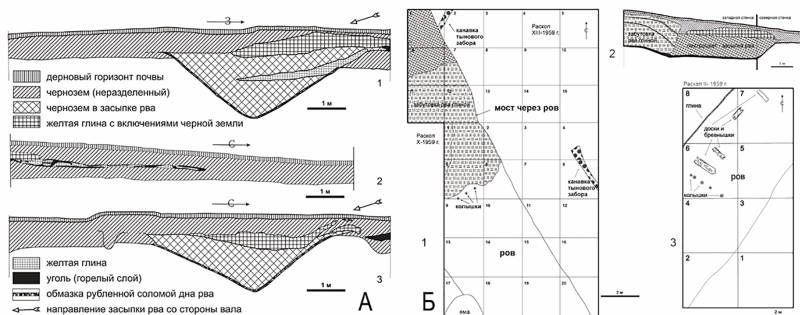

Рис. 6. Профили и планы раннего рва Тигашевского городища-святилища: А – профили рва в западной части святилища: 1 – южная стенка раскопа VII-1959 г.; 2 – западная стенка раскопа VII-1959 г.; 3 – западная стенка раскопа I-1959 г.⁷⁹; Б – планы раскопов и профили рва на месте западного прохода и установки кольев поперек рва: 1–2 – планы раскопов X-1959 г., XIII-1959 г. и профили западной и северной стенок раскопа XIII-1959 г. (см. обозначения рис. 3); 3 – план раскопа II-1959 г.⁸⁰

ство по принципу квадрат в квадрате. Это позволило разместить входы на основную площадку первого святилища согласно циклу солнечного календаря, а жертвенное место с алтарем – в восточном главном углу площадки (рис. 5).

Археoaстрономическая планиграфия прослежена для I этапа Тигашевского городища-святилища (рис. 5)⁸¹. В западной части тыновые ограждения соединяются с ранее выкопанным кольцевым рвом. Юго-восточная сторона (самая длинная – около 60 м) представляет две параллельные тыновые стены с проходами в средней их части. Внутренний и внешний восточные углы прямоугольные. В западной части первого святилища деревянные постройки примыкают к кольцевому раннему рву. В двух случаях зафиксированы ряды кольев, выставленные поперек рва. От них сохранились ямки в материке и основания сосновых кольев⁸². Археoaстрономические исследования показали, что данные ряды кольев являлись рисками основных календарных дат⁸³. Так, если провести линию от ряда кольев раскопа II-1959 г., то она точно пройдет через двое ворот в юго-восточных тыновых заборах. Угол 135° воображаемой линии соответствует прохождению на площадку святилища первых лучей солнца в день зимнего солнцестояния и знаменует начало природного календаря. Продолжение второй риски из кольев раскопа X-1959 г. по воображаемой линии проходит мимо жертвенного комплекса через восточный проем внутренней северо-восточной стены. Этот угол 55° соответствует попаданию на площадку святилища первых лучей солнца в период летнего солнцестояния.

Достоверно установлено, что во время существования первого и второго святилищ имелся западный вход на площадку городища через ранний кольцевой ров⁸⁴. На первом святилище на месте сужения рва люди проходили через перекидной мостик. Во время второго святилища рядом с сужением рва был сооружен основательный глинобитный мост (рис. 6: Б: 1, 2). Первые лучи солнца, проходящие через ворота внутренней юго-восточной стены, озаряли место западного входа в периоды весеннего и осеннего равноденствий.

Аналогичную ситуацию можно видеть на I и II этапах Большетаябинского городища в раскопе VII-1957 г. На нем кольцевой ров был шириной около 3,5–4 м. В его западной части в раскопе II-1957 г. находился резкий пережим до 1 м, который можно объяснить устройством здесь на I этапе прохода по деревянному мостику⁸⁵. На II этапе ров также не был еще засыпан, и рядом с деревянным мостиком на святилище был сооружен большой глинобитный мост шириной около 4,5 м для прохода внутрь кольцевого рва⁸⁶. Рядом с глинобитным мостом на Тигашевском городище-святилище в раскопах IX-1958 г. и XIII-1959 г. можно видеть похожее резкое сужение в западной части кольцевого рва (рис. 5: Б: 2). Почти не прихо-

дится сомневаться, что в этом месте был проход по деревянному мостику внутрь главной площадки. Таким образом, кольцевой ров на первом этапе Большетаябинского и Тигашевского городищ был непрерывным, что подтверждает его сакральное значение.

Внутри главной площадки первого Тигашевского святилища между первым проходом в северо-восточной стенке и юго-восточным проходом располагался жертвенный комплекс (рис. 5:). Он представлял два культовых объекта, находящихся напротив западного входа в восточной части главной площадки святилища, где деревянный забор образовывал четкий угол внутреннего ромба ограды (рис 5: Б: 7, 8). Один объект представлял большую полуземлянку (3,6 × 4,4 м; глубина – 0,7 м) с восемью ямами от столбов, четыре – по углам и четыре – в середине каждой стороны прямоугольника⁸⁷ (рис. 5: Б: 8; 7: 1). В столбовых ямах сохранился древесный тлен от деревянных столбов. Это сооружение А.А. Трофимов называл «Домом огня»⁸⁸, а К.А. Руденко – «Центральным храмом»⁸⁹. Подобные культовые сооружения известны в этнографических параллелях – «Дом огня», в котором разжигали и сохраняли «живой огонь», на нем готовили жертвенную пищу, а сам огонь передавали людям для домашнего очага⁹⁰.

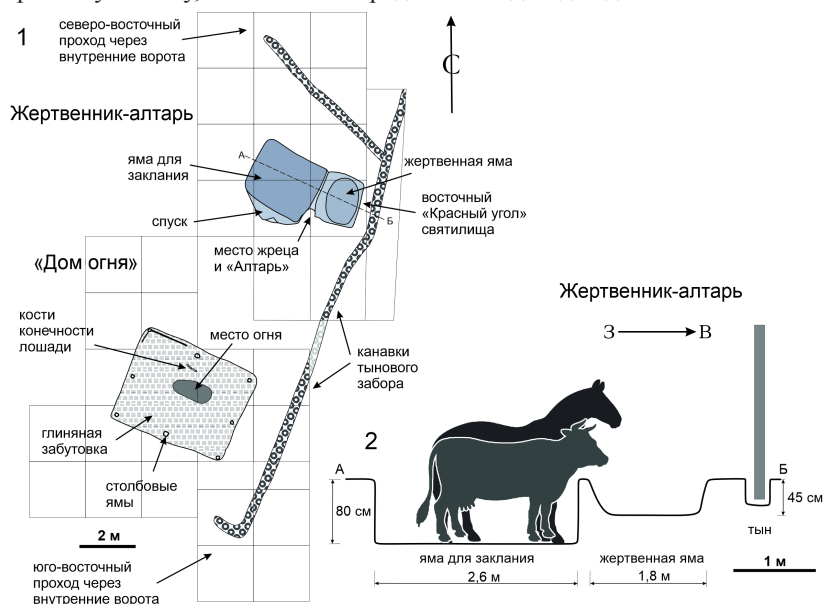

Рис. 7. Жертвенный комплекс первого болгарского святилища на I этапе развития Тигашевского городища-святилища (раскопы VIII, XII, XV-1959 г.)⁹¹: 1 – прорисовка плана с объяснениями; 2 – схематичный разрез ямы № 3 (реконструкция жертвенника-алтаря).

Представляет интерес выявленный культовый объект в раскопе XII-1959 г. – большая яма в восточном углу главной площадки, немного севернее в непосредственной близости от «Дома огня»⁹² (рис. 5: Б: 8; 7: 1). Из описания Г.А. Федорова-Давыдова следует, что она неправильной подпрямоугольной формы, состоит из двух ям, и их дневная поверхность совпадает. Западная яма имеет прямоугольные очертания (2,2×3,1 м), ее котлован длиной 2,6 м, глубиной 80 см с вертикальными стенками. Восточная яма значительно меньше западной (1,8×1,4 м, глубина 45 см). Сверху она прямоугольная, с пологими стенками, так что ближе к дну ее очертание приобретает форму овала, напоминающая чашу. Между ямами отчетливо выделена тоненькая перемычка в материке толщиной в 10 см. В отличие от других ям на площадке святилища, в сдвоенной яме почти не было находок, и это сооружение специально было засыпано пестроцветным черно-желтым грунтом⁹³. Получается, что во время I этапа болгарского святилища это сооружение имело функциональное значение, за ним следили и не допускали замусоривания. Общечеловеческая практика, когда алтарь, представляющий жертвенник, всегда содержался в чистоте, поскольку здесь совершалось главное таинство – причащение к богу. Также не случайно жертвенник располагался в непосредственной близости от «Дома огня» в восточном «красном углу» (рис. 7).

Жертвенная яма находилась непосредственно в восточном углу в раскопе XII-1959 г. Хорошо видно, что тыновая ограда слегка огибает эту яму, что показывает на почти одновременное проектирование святилища, но сначала жертвенника, а потом ограды. Нижняя часть жертвенной ямы овальной формы, напоминает большую чашу с прямоугольными краями. В алтарной части она отделена пережимом и перемычкой от другой большой прямоугольной ямы, из-за чего напоминает жертвенный сосуд для подношения даров богу. Примыкающая к ней более глубокая прямоугольная яма с большей вероятностью была местом заклания жертвы. Ее длина соответствовала размерам крупных домашних животных, лошади или коровы, и ширина позволяла разделывать в ней тушу (рис. 7: 2). С юго-западной стороны заметен ступенчатый спуск для животных и людей, сам объект, вероятно, оставался открытым с боков. Стенки ямы для заклания сохранились вертикальными, возможно, их укрепляли досками, но перед засыпкой их могли вытащить вместе с разбором дощатого забора-тына. Учитывая, что ширина перегородки оставлена всего 10 см, то голова животного оказывалась прямо над жертвенной ямой. С южной стороны между жертвенной ямой и помещением для животного к месту, где происходило главное действие жертвоприношения, сверху был оставлен удобный подход к алтарю.

Общая планиграфия первого болгарского святилища и описанные объекты: «Дом огня», жертвенник, «трапезная» и их взаиморасположение – находят много общего с устройством чувашской киремети. Резюме-

руя традиции устройства общих моленных мест чувашей, следует еще раз отметить, что они огораживались прямоугольной изгородью, иногда охватывая большую территорию до одного гектара. Богоугодный скот для церемоний заводился через восточные ворота. Рядом с восточными воротами находилось специально отведенное место для заклания жертвенного животного. Воду заносили через северные ворота, которые были ближе к реке или роднику. Возле северных ворот стоял большой стол, на котором разделявали тушу. Готовили пищу в котлах на костре под навесом или в специальном доме. Служители культа и люди заходили через западные ворота, так чтобы быть лицом к востоку и жертвенному месту. Пищу принимали, стоя за столами в специально отведенном месте. На все эти факты особое внимание обращал Г.А. Федоров-Давыдов, приводя в качестве аналогий Тигашевскому городищу-святилищу описания чувашских киреметей из трудов В.К. Магницкого, К.С. Мильковича, П.С. Палласа, А.А. Фукса, Г.Ф. Миллера⁹⁴.

Г.А. Федоров-Давыдов отметил, что в конце существования I этапа болгарского святилища все деревянные конструкции были удалены, а ямы и траншеи засыпаны пестроцветным грунтом. Он также был уверен, что поскольку ранний кольцевой ров оказался естественным образом почти полностью заплывшим черноземом, то первое болгарское святилище просуществовало достаточно длительное время. Однако в раскопе Х-1959 г. видно, что забутовка глиняного мостика лежит на дне рва, где лишь отмечены тонкие черные подтеки чернозема (рис. 6: Б: 2). Это означает, что на II этапе болгарского святилища ров не был полностью заполнен грунтом и оставался открытым как в период первого болгарского святилища, так и в начале II этапа. Вероятнее всего, засыпка кольцевого рва была произведена позднее, и она связана с переустройством во время строительства мощных оборонительных укреплений. Таким образом, можно сделать выводы, что и в раскопах I, II, IV, VII-1959 г. часть чернозема в нижних слоях рва выше обмазки является засыпным грунтом, сброшенным в ров во время переустройства святилища на II этапе. Но не все так очевидно и ясно, поскольку материалы раскопок Г.А. Федорова-Давыдова вызывают вопросы в силу недостаточной их фиксации, отсутствия пластовых планов и слабой прорисовки на них объектов, так же как и слоев на поперечных разрезах. В статье «Валы и рвы Тигашевского городища» В.Ю. Коваль ставит два значимых вопроса, связанных с материалами раскопок I этапа болгарского святилища: «Почему вокруг первого святилища строится ров без вала и куда в таком случае подевалась земля, вынутая из этого рва?», «Почему планы заборов святилища и раннего рва без вала пересекают друг друга?»⁹⁵. Исследуя первый вопрос В.Ю. Коваль отмечает, что вал в западной части городища является выбросом раннего кольцевого рва, соответственно относя его к I этапу болгарского святилища. И после того как был выкопан кольце-

вой ров, образовавшаяся насыпь вала перекрыла уже засыпанную канавку одной из оград «первого святилища» в раскопе XIV-1958 г. Это суждение позволило выдвинуть новую версию происходящих событий, что прямоугольное огороженное святилище было построено без кольцевого рва. Два параллельных ряда загоронок с северо-восточной и юго-восточной сторон являются не единовременными, а поэтапными перестройками не долго служивших оград⁹⁶. Таким образом, конструировался ответ на второй поставленный вопрос: «Совершенно очевидно, что такая ситуация могла сложиться лишь при одном условии – канавки ограды “первого святилища” и “ранний ров” не одновременны»⁹⁷. Тем не менее все эти события, включая и «поздний» кольцевой ров, В.Ю. Коваль отнес к I этапу болгарского святилища.

Г.А. Федоров-Давыдов так сформулировал свои наблюдения: «Оборонительные сооружения городища были построены, когда первое болгарское святилище было уже разрушено. Это следует из наблюдения над стратиграфией раскопа XIV-1958 г., где на профиле северной стенки можно сопоставить дневной уровень засыпки канавки и уровень погребенной под насыпью вала почвы». Одно из очень важных наблюдений автора раскопок: «На профилях раскопов I, II, VI, VII, IX-1959 гг. и траншеи 1-1956 г. дневной уровень внешнего берега рва совпадает с поверхностью материкового чернозема, не содержащего находок. Значит, ров не пересекает никакого культурного слоя». Это означает, что святилище не распространялось за пределы кольцевого рва, который никогда не перерезал ранние сооружения. В этих же раскопах ров был перекрыт насыпью вала сразу же после разрушения первого святилища⁹⁸.

Таким образом, можно сравнить две имеющиеся версии развития событий на Тигашевском городище-святилище: Г.А. Федоров-Давыдов видел двухэтапную смену святилищ вместе с ранним рвом. На II этапе вокруг святилища сооружается мощная оборонительная система из валов и рвов. После свержения второго святилища с идолом площадка городища застраивается домами. В.Ю. Коваль пришел к выводу, что сначала святилище состояло из прямоугольно огороженных площадок, которые ремонтировались. Затем старые ограды были разобраны и был поставлен идол внутри новой огороженной площадки меньшего размера. Вокруг центра нового святилища был прокопан кольцевой ров с валом. I этап святилища заканчивался, когда этот ров был засыпан, а ограды разобраны. На II этапе были возведены ряды оборонительных земляных стен со рвами и возникли жилые постройки. В целом В.Ю. Коваль разделяет постройки, связанные со святилищами, и постройки, относящиеся к фортификационным сооружениям, на два разных этапа жизни городища. Нельзя полностью исключить ту или иную версию, поскольку окончательно реконструировать события сегодня возможно только после целенаправленных новых раскопок на этом памятнике.

Тигашевское городище-святилище на I этапе своего существования датируется по археологическому материалу X в. Как прозорливо указывал Г.А. Федоров-Давыдов: «...первое болгарское святилище в Тигашеве не может быть рядовым культовым местом». Это святилище он считал крупным религиозным центром племен или даже группы племен булгар, переселившихся в X в. в южные районы Чувашии. Это переселение связывается с этнополитическими событиями феодализации и исламизации Волжской Булгарии. И, как следствие, отказом подчиняться болгарскому царю Алмушу.

II этап функционирования Тигашевского городища-святилища (второе болгарское святилище) XI в. Придерживаясь концепции Г.А. Федорова-Давыдова, рассмотрим перестройку на II этапе Тигашевского городища-святилища как реорганизацию старого святилища в новый, хорошо укрепленный религиозный центр с административными функциями. На месте разрушенного святилища было построено мощное укрепление. Оборонительная система Тигашевского городища представляет собой сложное фортификационное устройство из трех линий валов и рвов (рис. 4: 2; 8). Три линии валов и рвов прикрывают городище с востока, юга и юго-запада. С севера и северо-запада, там, где городище защищено рекой и непроходимым болотом, был насыпан лишь один вал без рва⁹⁹. Остатки северо-западного вала выявлены на раскопах I, II, VI, VII-1959 гг., он, ско-

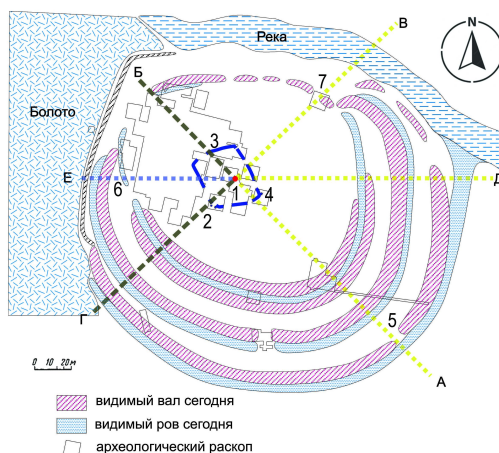

Рис. 8. Археoaстрономическая планиграфия Тигашевского городища-святилища на II этапе¹⁰⁰: 1 – столб-идол; 2 – южный вход на огороженную площадку, оформленный столбами со «строительными жертвами»; 3 – тыловая ограда основной площадки святилища, установленная углами по сторонам света; 4 – восточный угол ограды и жертвенная яма с костями лошади; 5 – юго-восточный вход на городище; 6 – западный вход; 7 – северный вход; А–В – восход солнца в день зимнего солнцестояния; В–Г – восход солнца в день летнего солнцестояния; Д–Е – восход солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия.

рее всего, сформировался в результате засыпки раннего рва в этом месте и перемещением глинистой части внешнего вала. В остальной части ранний ров оставался открытым. В западной части сооружается глинобитный мост для прохода на площадку городища (рис. 6: Б: 1, 2). Таким образом, в строительстве фортификации был включен первый ров старого святилища.

Эти выводы подтверждаются стратиграфическими наблюдениями Г.А. Федорова-Давыдова над особенностями раннего кольцевого рва. В северо-западной части, где ранний ров примыкает к огороженной площадке первого святилища, ров в результате сильного антропогенного воздействия заплыл черноземной землей, которая перекрыла раннюю выстилку соломой дна рва, еще на I этапе. В начале II этапа ров в этом месте был перекрыт глиной, и таким образом сохранились все слои с раннего этапа функционирования первого святилища. Автор раскопок считает, что во время II перестройки городища-святилища остальная часть кольцевого рва (с восточной стороны) была вычищена и углублена. Можно согласиться с такой точкой зрения, поскольку эта часть кольцевого рва просматривается в современном рельефе. Вероятно, на I этапе внешняя часть сохранившегося вала была сформирована при рытье кольцевого рва, тогда как на II этапе был сформирован внутренний вал при повторном откапывании заплывшего рва. Это утверждение согласуется с тем, что на II этапе сооружается фортификационная система из дополнительных валов и рвов, выстроенных по классическому принципу устройства оборонительных конструкций с наружным рвом (рис. 8). Таким образом, формируются три линии валов и рвов со сложным лабиринтным проходом на площадку со вторым святилищем.

Исходя из вышеизложенных суждений, можно провести реконструкцию событий и попытаться выяснить причины перекрытия канавки частокольной траншеи первого святилища остатками вала с внутренней стороны рва в раскопе XIV-1958 г. Г.А. Федоров-Давыдов в качестве подтверждения своей версии приводит факт со «строительной жертвой» – зарытой собакой в траншее раскопа XIV-1958 г.¹⁰¹ Исходя из стратиграфии северной стенки этого раскопа, он считал, что насыпь вала была создана вскоре после засыпки канавки святилища, т. е. когда на месте канавки еще не образовался дерновый слой, и в подтверждение приводит захоронение собаки, когда передняя часть костяка лежит на погребенной почве, а задняя – на засыпке канавки¹⁰². Однако на плане раскопа XIV-1958 г. хорошо прорисован скелет собаки, полностью уложенный в уже присыпанную траншею, а из стратиграфии северной стенки следует, что костяк был перекрыт остатками вала. Это единственный случай, когда на II этапе болгарского святилища глинистый грунт с вала, уже после того когда был засыпан ранний ров и разобраны конструкции первого святилища, был перемещен в верхнюю часть рва, перекрыв «строительную жертву» (собаку) на месте частокольной траншеи

первого святилища, проходящей здесь вдоль внутреннего края рва. Это лишь доказывает, что «строительная жертва» совершена во время сооружения второго болгарского святилища и была преднамеренно перекрыта глинистым грунтом. Во время перестройки люди помнили и чтили память о первом святилище, так как «строительная жертва» была уложена на месте северо-западной стенки «трапезной» головой к северному углу, за которым с внешней стороны располагался ритуальный столб, от которого осталась яма. Сама столбовая яма круглой формы диаметром около 50 см в центре сохранила округлое отверстие диаметром 30 см пятно от столба, вокруг которого отчетливо видна забутовка пестроцветным заполнением¹⁰³. Такой столб мог быть идолом в северном углу святилища.

Центральное место городища занимает новое святилище. Оно окружено прямоугольной оградой 40×34 м (рис. 8: 3) такого же типа, как и ограда первого святилища, но меньшего размера. Основания досок ограды местами сохранились, они в среднем имеют ширину 0,35 м и глубину 0,4 м, а иногда и большую. Вход в святилище был расположен в южном углу ограды; по обеим сторонам от входа расположены две круглые ямы, предположительно от столбов ворот. По всей видимости, в одной из них находилась «строительная жертва», совершенная во время сооружения стен и ворот. Из описания этой ямы автором раскопок: «В восточной яме (диаметр – 1,25 м, глубина – 1 м) расчищено обгорелое бревно, ниже обнаружен слой камней, а под ним – черная, углистая прослойка. На самом дне найдены кости коровы (челюсть, ребра и ноги)»¹⁰⁴.

Г.А. Федоров-Давыдов сообщает: «Со II святилищем связаны две интересные детали культа древних болгар – принесение в жертву собак и зарывание в яме у забора святилища ног и черепа лошади»¹⁰⁵. Под восточным углом ограды второго святилища найден расчлененный скелет собаки: на заднюю часть костяка были положены отрубленный череп и передние позвонки. Костяк лежал на уровне дневной поверхности канавки, у самого края ее. Собака была положена сюда, видимо, при строительстве ограды и являлась еще одной «строительной жертвой».

В раскопе VII-1958 г. с внешней стороны забора у его восточного угла в яме диаметром 1,1 м, глубиной 0,8 м были обнаружены нижние кости четырех ног, крестец и череп лошади¹⁰⁶ (рис. 8: 4). Такое сочетание костей характерно для ритуальной разделки туши лошади и вывешивания ее шкуры с остатками метаподиальных костей и фаланг, части таза и черепа лошади на заборе, специальной жерди или дереве. Потом ее убирали и закапывали. Г.А. Федоров-Давыдов, ссылаясь на сообщение К. Мильковича, отмечает: «Характерно, что чуваша оставляли висеть шкуры убитых лошадей в восточной части керемети (на ограде или на деревьях). Именно близ восточного угла II Тигашевского святилища найдена яма с костями лошади.

Естественно, что от такой шкуры могли сохраниться только кости, и именно те, которые нами найдены в яме при исследовании II святилища»¹⁰⁷.

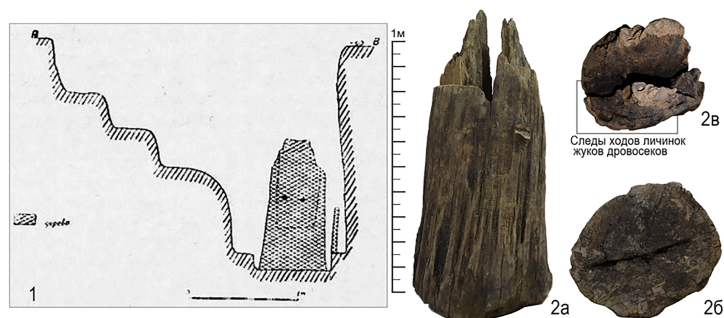

Рис. 9. Столб-идол из раскопа I-1956 г. Тигашевского городища-святилища: 1 – рисунок разреза жертвенной ямы со столбом-идолом (по Г.А. Федорову-Давыдову); 2 – сохранившаяся часть столба-идола, из фондов Чувашского национального музея: а – сбоку, б – снизу, в – сверху (видны следы ходов личинок крупных жуков-дровосеков).

В раскопе I-1956 г. внутри прямоугольной ограды, в середине, ближе к северо-восточной стене, напротив входа стоял столб-идол в яме глубиной 2,1 м (рис. 8: 1; 9: 1). Яма прямоугольной формы (1,6 × 0,75 м), ориентированная с севера на юг. В ее северной части были сделаны три ступени, в южной части на глубине 2,25 м находилось основание столба. Высота сохранившейся части этого столба-идола около 1 м и диаметр 85 см¹⁰⁸ (рис. 9, 2). Подошва столба срезана плоско, так чтобы он мог стоять вертикально под собственным весом, лишь закрепленный в яме с помощью поперечной доски (рис. 9, 1-2а). Предположение о его двухсоставном соединении с помощью паза не подтверждается, изначально это был единый ствол дерева. Яма, в которой стоял столб, постепенно заполнялась землей и «отходами» кузнечного производства. Столб-идол простоял относительно длительное время и, вероятно, сам упал после того, как часть его ствола, оказавшаяся в земле, прогнила. Этому способствовали личинки крупных жуков-дровосеков, поселившиеся в стволе ниже дневного уровня земли. Их многочисленные ходы и колыбельки хорошо видны в верхней части остова столба-идола (рис. 9: 2в). Однако возникает вопрос, в какой период был установлен центральный столб-идол? По мнению Г.А. Федорова-Давыдова: «По профилю яма со столбом относится к самому началу отложения культурного слоя»¹⁰⁹. Но столб не был изображен на реконструкции первого святилища (рис. 4, 1). Тем не менее, можно сделать вывод, что центральный столб в яме и ранний кольцевой ров представляли единый ансамбль второго и, вероятно, первого святилища.

Большие дома с печами располагались внутри огороженной площадки второго Тигашевского святилища, у восточного угла рядом с идолом. На раскопе V-1956 найдены остатки обгорелого сруба и пола. Площадь жилища – около 45 кв. м. Поскольку все деревянные части дома лежат на основании первого пласта, можно допустить сохранившийся на момент строительства забор второго святилища. Это суждение вытекает из предложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым схемы рытья канавок под заборы святилищ на разных этапах¹¹⁰. Прослежены две стены, сложенные из бревен по 20 см толщиной. Между стенами находились деревянные бревна-переводины, на которых лежал дощатый настил пола. В северо-восточном углу сруба обнаружен под печью в виде прямоугольной глинобитной площадки (2 × 2,5 м). На этой площадке лежал развал свода печи-каменки в виде кусков обожженной глиняной обмазки и камней со следами огня. Каменные стенки печи опирались на деревянные прямоугольные в сечении брусья (рис. 10).

К востоку от описанного дома было обнаружено подполье от другого дома (рис. 10). Большая яма неправильных очертаний с неровным дном была вырыта с самой поверхности глинистого материка на глубину около 0,7 м. В подполье обнаружены следы рухнувшего обгорелого настила пола. В верхней части подполья, выше рухнувшего перегорелого настила пола, было найдено 162 обломка криц. На глубине 2-го и 3-го пластов, на участках, непосредственно прилегавших к подполью, было найдено еще 35 обломков криц и около 40 обломков бронзовых и медных шлаков и неопределенных бронзовых поделок. На этом основании Г.А. Федоров-Да-

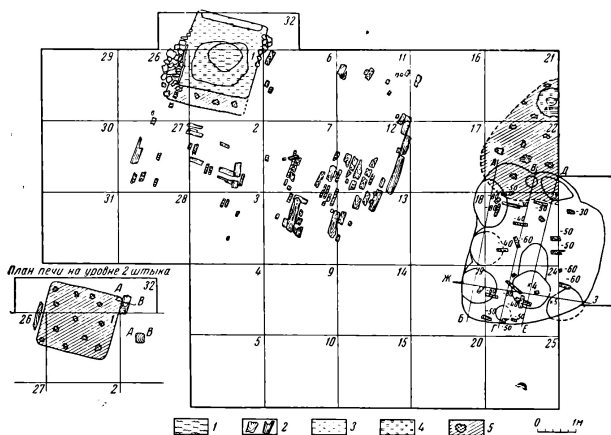

Рис. 10. План раскопа V-1956 г. с домами. Условные обозначения: 1 – зола; 2 – дерево; 3 – желтая глина; 4 – красная прокаленная глина; 5 – желтая глина со следами обжига (по Г.А. Федорову-Давыдову).

выдов сделал вывод, что «описанные объекты являются остатками дома ремесленника – кузнеца и бронзолитейщика»¹¹¹. Еще один вывод сделан о времени этой постройки: «Дневная поверхность жилища совпадает с материковой глиной. Жилище относится к раннему периоду жизни на городище. При строительстве дома слой материкового нетронутого чернозема был снят и дом был поставлен на глину. Тот факт, что дом ремесленника относится к раннему этапу жизни на городище, свидетельствует, что идол, который стратиграфически предшествует этому дому, был свергнут также в самом начале существования замка, а может быть и при его строительстве. По-видимому, не случайно жилище кузнеца и литейщика расположено в непосредственной близости от повергнутого кумира. Хорошо известно, какую колдовскую силу приписывали в древности кузнецам»¹¹².

Таким образом, принимая во внимание сведения о ранней постройке дома кузнеца и литейщика и то, что идол не был свергнут, так как простоял, пока не прогнил в наполовину заполненной землей яме, кажется вполне уместно допустить их одновременность. Следует также отметить, что забор второго святилища не был разобран, его фрагменты деревянных плах сохранились до современности. Это свидетельствует в пользу того, что ограда второго святилища и кузнечный дом могли быть одновременными. Идол располагался в центре кольцевого раннего рва и внутри огороженной площадки второго святилища, немного северо-западнее жилого дома и кузнечной мастерской. Еще одно важное замечание: кузнечный дом и его печь находились в восточном углу ограды. Если от места расположения идола провести прямую линию через кузнечную печь, то эта линия также пройдет через главные ворота в первом валу городища и составит единый азимут восхода солнца в дни зимнего равноденствия (начала нового природного года). Сам же восточный угол второго святилища соединяется линией через идола с восточным углом первого святилища и жертвенным комплексом в нем. Азимут, проходящий через южные ворота в ограде и печь в кузнечном доме, будет соответствовать восходу солнца в дни летнего солнцестояния. Все это указывает на единую археоастрономическую планиграфию святилищ и еще раз свидетельствует об одновременной планировке раннего кольцевого рва вокруг центра с идолом, находящимся в глубокой яме. Во время I этапа яма с идолом частично заплывла черноземом. На II этапе это место превратилось в жертвенное место, и яма была заполнена предметами кузнечного производства.

То, что предполагаемый идол был установлен в глубокой прямоугольной яме со ступеньками, идущими вниз, свидетельствует о хтоническом культе. Подобная узкая, но глубокая яма (1,6 м глубиной) с вертикально поставленным в нее большим вытянутым камнем и спускающимися ступеньками исследована на чувашском Шинерпосинском святилище «Ши-

нер-Киреметь» (XIII–XIX вв.)¹¹³. Хтонические божества во многих религиях и мифологиях – божества, изначально олицетворявшие собой силы подземного мира или культ предков. Тюрки верили, что главным богом является Тенгри, но нужно было задобрить и Эрлика. А потому и приносили ему жертвы. Поскольку в подземном мире все наоборот, то и жертвоприношения Эрлику совершались по ночам, а жертвенные животные были безрогими, хромыми или с другими изъянами. Если жертвовалась посуда, вещи, оружие, то они должны были быть сломаны. В подземном мире все это вновь становилось целым¹¹⁴.

Если суммировать имеющиеся на сегодняшний день данные об Эрлике в тенгрианском контексте, то окажется, что это изначально небесное божество, олицетворяющее мужество, победу и ремесленничество (в первую очередь кузнечное мастерство) и, в некоторых случаях, воду как первостихию. Среди его атрибутов можно обнаружить черный и красный (и связь с огнем через него) цвета, а также железо¹¹⁵. Согласно традиционным представлениям алтайцев Эрлик был первым кузнецом. Создав кузнечные инструменты, он молотом наковал множество духов – слуг себе¹¹⁶.

Как и полагается, тигашевскому идолу, подземному богу огня, подносили в качестве жертвы все то, что связано с огнем. На II этапе Тигашевского святилища мастера кузнечного дела могли стать новыми служителями культа, в основе которого было врачевание раскаленным железом, с помощью высечения из него кузнечным молотом чистого огня. Еще один способ врачевания, используемый кузнецами-шаманами, когда в результате заговоров болезни и недуги запечатывались в расплавленный металл, например, вылитый на керамику¹¹⁷.

В шаманских традициях (особенно у бурят) болезни – это духи; их шаман «запечатывал» в специальный предмет «онгон», чтобы уничтожить (сжечь или закопать в землю) их или превратить в силу. Онгон в культуре монгольских и тюркских народов – вместилище для духов, чаще всего предка семьи или рода, его культовое изображение – домик, который может быть сделан из различных материалов. Хотя в источниках чаще упоминаются дерево, камни, шкуры, металл мог использоваться для создания сильных амулетов или ритуальных предметов для «оковывания» духа, как символ прочности и несгибаемости. Но это требовало огромной силы, чтобы не навредить себе, и «запечатывание» в металл – это специфический, мощный ритуал изгнания болезней. «Запечатанные в металл болезни» – это не болезнь как физическое состояние, а могущественные духи-возбудители болезней, которых шаман-кузнец заключает в металлические (или другие) артефакты, чтобы нейтрализовать их влияние.

Подобные «онгоны» и просто отходы кузнечного производства кузнецы могли использовать в качестве подношения тигашевскому идолу подземного царства, бросая их в глубокую яму. В процессе длительных риту-

альных подношений тигашевский столб-идол оказался завален медным и железным шлаком, обрезками и каплями меди, мелкими кусочками кричного железа, золой и керамикой, залитой медным шлаком. В заполнении верхней части ямы среди керамики и костей было найдено 59 обломков плавильных тиглей, 5 обломков медных или бронзовых пластин, бронзовые гвозди, 28 мелких кусков и 15 крупных кусков бронзового и медного шлака.

Рассматривая астрономическую планиграфию Тигашевского городища-святилища, легко заметить, что столб-идол занимает центральное положение относительно площадки городища и кольцевых структур из рвов и валов. Если от этого столба провести линии по направлению изученных трех входов (рис. 8) – северо-восточного, юго-восточного и западного, то эти линии выстраиваются в классический порядок, хорошо прослеженный на многих кольцевых городищах-святилищах¹¹⁸. Через северо-восточный вход по направлению к столбу-идолу будет проходить первый луч солнца в день летнего солнцестояния (рис. 8: В-Г). Аналогично через юго-восточные ворота пройдет первый луч в день зимнего солнцестояния (рис. 8: А-Б). На западные ворота ляжет тень от центрального столба в утренние часы, и пройдет свет от заката солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия (рис. 8: Д-Е). Любопытно также то, что трассы рвов и валов выпрямлены с восточной стороны между северо-восточным и юго-восточным проходами. Вероятно, это сделано для того, чтобы лучше проводить наблюдения за годичным циклом восхода солнца над горизонтом. Природный календарь начинается в день зимнего солнцестояния, так как с этого момента день начинает расти, т. е. происходит рождение дня и света. Используя дополнительные метки в виде кольев, выстроенных на спрямленных валах согласно положению астрономических объектов, можно получить точный календарь с учетом дней, недель и месяцев в году, а также получить даты основных событий для празднований и ритуальных действий.

Подводя итоги рассмотрения объектов Тигашевского городища, можно привести доказательства их культового статуса. К I группе маркеров можно отнести наличие столба-идола в глубокой яме, символизирующей подземный мир; дары подношений в виде разного рода отходов кузнечного дела и, возможно, «онгонов»; наличие жертвенного комплекса и нахождение в ямах черепов коровы и лошади во время функционирования первого святилища; необычные захоронения трех собак и одной коровы – «строительные жертвы», а также использование лошади в ритуале жертвоприношения во время строительства и функционирования второго святилища. Археoaстрономическая планиграфия первого и второго святилищ. К III группе маркеров относятся ранний кольцевой ров с необычным взаиморасположением, где вал реконструируется снаружи от рва, также необычная выстилка западной части рва рубленой соломой или камышом. Можно

отметить за внешним бортом этой части рва скопления угля, вероятно, от ритуальных костров. Для IV группы маркеров можно отметить археозтно-логические материалы, связанные с почитанием места тигашевского идола чувашиами в XVI–XVIII вв.

За время всех трех этапов развития городища-святилища полезная площадь, окруженная ранним кольцевым рвом, так и не увеличилась и осталась первоначальной. Не поменялось даже место главного входа с западной стороны. На II этапе болгарское святилище продолжило существовать в качестве сакрального центра с идолом в центре, его прежние строения были разобраны, построены новые, а вокруг возведены мощные укрепления в виде нескольких древо-земляных стен. Хорошая сохранность конструкций и объектов из дерева – характерная особенность Тигашевского городища-святилища. Благодаря мокрому культурному слою остатки дерева сохранились в нижних слоях раннего рва, под валами, в канавках и в глубоких ямах. Однако критика авторов небезосновательна, еще предстоит понять причины, как и почему проходила перестройка святилища и его последующая защита. Как были устроены фортификационные сооружения? В будущем предстоит выяснить, какие особенности характеризовали два или три этапа городища-святилища и почему оно прекратило свое существование.

2.3. Ранний кольцевой ров Большетаябинского городища X–XI вв.

В 2018 г. совместная экспедиция Чувашского института гуманитарных наук и Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ¹¹⁹ приступила к изучению внутреннего раннего рва на Большетаябинском городище (рис. 11), расположенном в Предволжье на территории Чувашии (рис. 1: 2). Раскоп XVI-2018, 2019 гг. был заложен в юго-западной части городища, рядом с валами и у оборонительного вала, недалеко от раскопа 1948 г. (А.П. Смирнов) I-1957, и между раскопами VII-1957 и VIII-1957 Г.А. Федорова-Давыдова. Прослежены этапы функционирования рва на пластовых зачистках и поперечном разрезе (рис. 12). На первом этапе ров был вырыт и через короткое время частично засыпан, так что на его дне не успел образоваться культурный слой. В этот период происходило сползание и осыпание стенок внутрь рва, периодическое заполнение его водой (рис. 12: 1–3); сюда постоянно попадало небольшое количество находок в результате сползания. Найденные на дне черепа собак, остатки костей щенка и скелет ястреба-тетеревятника (ловчей птицы), по-видимому, представляют «строительные жертвы» и ритуальные захоронения. На втором этапе ров был засыпан с внешней стороны, вероятно, была сыта глина и глинистая земля с наружного вала (рис. 12: 4). Чернозем, выкинутый из рва, остался на месте, тем самым увеличив мощность погребенной почвы с

Рис. 11. Ранний кольцевой ров Большетаябинского городища X–XI вв.
Аэрофотосъемка 2024 г.

наружной стороны рва. В результате он оказался засыпан лишь наполовину. На третьем этапе ров сохранился в виде небольшой траншеи, в которой шло накопление основного булгарского культурного слоя (рис. 12: 5). В этот период ров был превращен в мусорную канаву. Данный слой насыщен костями животных, иногда в анатомических связях (в основном, конечности лошади), фрагментами лепной и гончарной посуды, металлургическим шлаком, глиняной обмазкой, кусками кирпичей и другими находками.

На основании III группы маркеров, когда ранний кольцевой вал реконструируется снаружи от рва, можно сделать вывод о культовом статусе этого объекта. Также наличие «строительных жертв» косвенно подтверждает ритуальный характер сооружения. Основные археологические работы по изучению раннего кольцевого рва проведены в 2021–2024 гг. и будут продолжены в ближайшие годы с выходом обобщающей монографии о Большетаябинском городище.

Рис. 12. Этапы функционирования рва в северной стенке раскопа XVI-2019 г.

2.4. Ранний ров и «цитадель» Булгарского городища X–XI вв.

Ранняя история г. Болгара начинается с укрепленной цитадели в мысовой части между террасой Волги и Большим Иерусалимским оврагом (рис. 1: 8). С западной, южной и, вероятно, восточной стороны поселение ограничивалось глубоким рвом (рис. 17). Ранний ров сопровождался тыновыми заборами и постройками. С последующими расширениями границ города выкапывался новый ров, а старый засыпался. Исследователи ранней фортификации г. Болгара отмечают, что наличие рва подразумевало существование вала, на постройку которого был использован вынутый грунт. Сама насыпь этого вала нигде не сохранилась, однако в ряде случаев к востоку от рва-1 обнаружен массив желтого материкового грунта, что может быть остатками этой насыпи. Очевидно, что основная часть насыпи вала была сброшена обратно в ров, а вся линия обороны ликвидирована¹²⁰.

Некоторые профили раннего булгарского рва из археологических раскопов XLI-1972 г.¹²¹ и СХСIX-2014 г.¹²² позволяют определить по асимметрии слоев засыпки, что земля срывалась с внешней стороны, вероятно, с вала. На профилях рва-1 в раскопе XLI-1972 г. видна прослойка сброшенной в ров глины (рис. 13). Эта глина в профиле имеет характерную галочкообразную форму с одной длинной стороной – откуда сбрасывался и падал грунт. Это ЮЗ-З сторона с внешней стороны рва, где срывалась насыпь. В профиле видно, что с этой стороны также сбрасывался песок и, вероятно, черная земля. Любопытным оказалось то, что ранний ров Болгара приближается к кольцевой форме, так как новые раскопки показали, что он не выходил к отрогам Большого Иерусалимского оврага, а следовал его очертаниям (северо-восток – юго-запад)¹²³. Даже более поздняя система обороны «замошный» вал и связанный с ним ров, по мнению Ю.А. Краснова, по сути, представляли кольцевые фортификационные сооружения вокруг г. Болгара¹²⁴ (рис. 17).

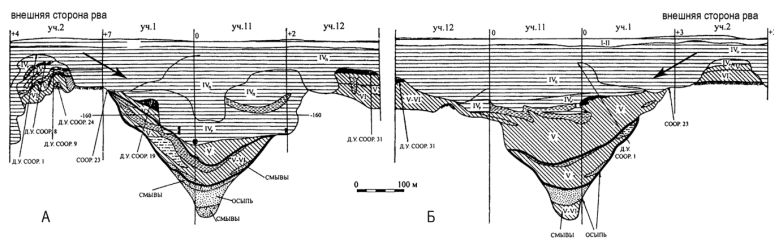

Рис. 13. Профили первого рва X в. в раскопе XLI-1972 г. Булгарского городища: А – северо-западный профиль; Б – юго-восточный профиль (по Т.А. Хлебниковой); жирной линией выделены слои засыпки по уровню сброшенной глины, видна асимметрия слоев, направление сброса земли с внешней стороны рва показано стрелкой.

В раскопе СХСІХ-2014 г. ров шириной 4,5–5 м был разделен материковой перемышкой шириной около 2 м¹²⁵. Проход пересекал ров по оси северо-запад – юго-восток с внутренней стороны городища. От него шла улица с частокольными оградами с двух сторон, образуя коридор, ведущий к центральной площадке «цитадели»¹²⁶. Расположение прохода и коридора совпадает с появлением первого луча солнца в этой местности из-за горизонта в день зимнего солнцестояния¹²⁷. Внутренняя постройка на месте «цитадели» раннего этапа г. Болгара, по версии А.М. Губайдуллина, интерпретировалась как остатки «крепостной стены»¹²⁸. По другой версии В.Ю. Коваля и Д.Ю. Бадеева: «Скорее, в обнаруженном частоколе можно видеть ограду двора одного из первых лиц города или важной религиозной постройки, например, мечети дворового плана»¹²⁹. А если следовать архео-астрономическим исследованиям Булгарского городища, то можно предположить, что изначально здесь мог находиться административно-религиозный центр, близкий по аналогии Тигашевскому городищу-святилищу¹³⁰. Выводы весьма предварительные, поскольку недостаточно изучена ранняя часть Булгарского городища.

Новые раскопки Д.Ю. Бадеева в 2025 г. «цитадели» г. Болгара позволили исследовать домонгольские напластования в раскопе ССІІ-2025 г. и найти фрагмент поливной южнорусской писанки¹³¹ (рис. 14: 2). Б.А. Рыбаков так о них писал: «Писанки, пасхальные яйца, – по самой своей природе предмет ритуальный, связанный с важнейшим христианским праздником, восходящим к языческим представлениям о весеннем воскресении природы. К нашему удивлению, христианские сюжеты почти полностью отсутствуют в росписи. Подавляющее большинство изображений связано с архаичной языческой символикой»¹³². Польский археолог В. Гензель считал главным предназначением писанок (или погремущек) культовое¹³³. Яйцо символизировало весеннее возрождение солнца и всей природы. Культ яйца как источника жизни и плодородия был связан с весенними праздниками народной веры, которые в христианское время были в значительной мере поглощены Пасхой. Символ пасхальных яиц безусловно связан с магией плодородия. По технологическим особенностям поливы писанок Т.И. Макарова выделила две группы этих изделий. Одну из них образуют писанки с зеленой или коричнево-бурой поливной поверхностью, расписанные прерывистыми и волнистыми желтыми или светло-зелеными узорами-скобочками. Такие изделия связаны в основном с Поднепровьем и смежными землями (рис. 14: 1). Местом их производства был, скорее всего, Киев¹³⁴ (рис. 14: 3). Писанки были не только предметами культа, но и играли роль оберегов, на что указывают размещенные в них глиняные шарики, создающие стук при встряхивании¹³⁵. Исчезновение из обихода писанок,

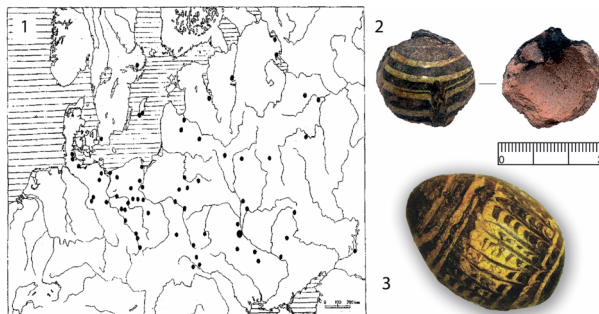

Рис. 14. Писанки: 1 – карта распространения писанок в Европе (по В.В. Седову¹³⁶); 2 – обломок глиняной поливной южнорусской писанки шаровидной формы (XI – середина XII в.) из раскопа CCLI-2025 г. в г. Болгаре (по Д.Ю. Бадееву¹³⁷); 3 – писанка «киевское» яйцо XI в. из собрания Исторического музея в г. Волин, Польша.

очевидно, обусловлено завершением процесса христианизации основных масс древнерусского населения к середине XII в. Именно в это время наблюдается активизация церковного строительства на широких пространствах Руси, налаживается массовое производство христианских символов.

На территорию Волжской Булгарии писанки вместе с другими славянскими вещами попадали в результате деятельности русских и болгарских торговцев. Четыре писанки были найдены в жилищных постройках Билярского городища, одна известна с верховьев Камы в районе городища Анюшкар (Кыласово), еще одна была обнаружена в низовьях Камы на Измерском I селище¹³⁸.

Выводы о раннем культовом комплексе Булгарского городища строятся на разных критериях выделения культового статуса археологического объекта. В первую очередь к I группе маркеров можно отнести наблюдаемую археоастрономическую планиграфию строений городища. Также маркером этой группы является находка обломка писанки (ритуального пасхального яйца). К III группе маркеров культового статуса относится необычное сочетание оборонительных сооружений для городища – внутреннего рва и реконструированного наружного вала, а также кольцообразные ров и вал, окружающие круглоплановую площадку городища, что не характерно для мысовых городищ. Однако для окончательного вывода о культовом статусе раннего Булгарского городища необходимы дополнительные археологические раскопки этой части города.

не существовал в “чистом” виде, формируясь как сложный сплав более древних местных традиций. К тому же население Болгара было этнически довольно пестрым, и соответственно следует ожидать привнесения иных, более архаичных, неболгарских обычаев. Их следы, наряду с проявлениями местных языческих традиций, прослеживаются уже в особенностях погребального обряда ряда захоронений на кладбище вокруг мавзолея»¹⁴⁰.

Таким образом, можно предположить, что ров, обнаруженный под мавзолеем, имел сакральное значение и отражает рудиментарный обряд, непосредственно предшествовавший закладке здания. Круглый ров был врезан в особую, вероятно, сознательно сделанную насыпь, зафиксированную под стенами и внутри мавзолея. Это мощный (до 65 см), совершенно стерильный (без единой находки) слой темно-серой гумусированной супеси. И.И. Елкина допускает одну из интерпретаций времени существования данной конструкции святилища: «...супесчаная насыпь и круглый ров представляли единый сакральный комплекс и служили объектом почитания задолго до отложения слоев ордынского времени и возведения мавзолея. Нельзя даже исключить (пусть с несколькими знаками вопроса), что место постройки мавзолея не было случайным, что его выбрали с учетом существования более раннего святилища»¹⁴¹. Выбор места для мавзолея не случаен, так же как строительство православных храмов и монастырей на месте капищ, главная цель — религиозное обращение населения к новой вере.

Авторами раскопок отмечается, что при расчистке одного из захоронений (№ 89, рис. 15) внутри мавзолея обнаружены фрагменты многосоставного женского головного убора, растительно-геометрический узор которого расшит золотными нитями. К нему на ленточке были прикреплены золотые височные кольца. Кроме того, раскопом изучено около 95 погребений. В заполнении одного из них (№ 52, рис. 15), где была погребена женщина, обнаружен клад серебряных украшений: браслеты, булавки, коранницы и подвеска. Тем не менее все погребения осуществлены по канонам ислама, хотя некоторые из них сохраняют пережитки язычества¹⁴².

Таким образом, мы имеем случаи возникновения мавзолеев конца XIII – начала XIV в. в г. Болгаре, возведенных в священных местах для болгар более раннего времени, а в некрополях, связанных с ними, наряду с мусульманскими погребениями отмечаются случаи отклонения похоронного обряда в сторону традиционной религии.

3.2. «Строительные жертвы» в домах г. Болгара XI–XIV вв.

Во время раскопок жилых кварталов г. Болгара под руководством А.П. Смирнова и З.А. Акчуриной в 1951 г. была обнаружена «строительная

жертва» в подполье дома XI в.¹⁴³ В сгоревшем от пожара доме № 80 на доске был положен череп собаки. Интересные наблюдения Н.Д. Аксеновой были сделаны во время раскопок жилых построек г. Болгара, где ею также отмечались «строительные жертвы» и ритуальные комплексы. Из раскопа XVII-1967 г. жилой постройки XIII в., ориентированной стенами по сторонам света, на дне (вероятно, ямы) вместе с круглодонным сосудом с примесью раковины в тесте с гребенчатым орнаментом и несколькими обломками лепных сосудов¹⁴⁴ обнаружены жертвенные захоронения¹⁴⁵. Примечательно, что от входа в юго-западном углу полуземлянки вниз, на глубину 62 см, вели четыре ступеньки, вырубленные в глине. На полу накопился слой гумуса с костями рыб и животных. Во время раскопок жилых построек золотоордынского Болгара исследовались дома, которые были ориентированы сторонами или углами по сторонам света. В наземных деревянных домах, как и в полуземлянках, были встречены «строительные жертвы», или обереги, которые должны были охранять построенное жилище (рис. 17; табл. 1). Чаще всего это черепа или целые скелеты собак, иногда черепа лошадей. Все эти «строительные жертвы», или обереги, найдены в жилищах, относящихся к золотоордынскому периоду, и датируются XIV в.¹⁴⁶ В наземном доме № 33–34 снаружи у восточного угла дома был найден череп лошади, положенный в ямку и прикрытый известняковой плитой (рис. 16: А). Сверху был насыпан бугорок чистого песка размерами 100×45 см. Череп лошади был найден в подпольной яме дома № 89. В подполье дома № 92 также находился конский череп. Череп собаки был обнаружен и в северо-западном углу подполья дома № 105. В северо-западном углу находились череп собаки и корчага с семенами злаков, окруженная колышками. В подполье дома № 171 на дне под досками обнаружены скелеты двух собак и часть собачьего черепа. В заполнении котлована этого подполья находились еще два скелета собак. Эти находки заставили исследователя Н.Д. Аксенову предположить культовый характер сооружения. В подполье дома № 213 у южной стены также был положен скелет собаки. Череп собаки найден в юго-западном углу дома № 207. Черепа собак были помещены на дне подполья дома № 225 – два у северо-западной стены, один у юго-западной стены. В доме № 226 в подполье у юго-западной стены и в южном углу были найдены черепа двух собак. Единожды в подполье была найдена передняя лапа медведя, положенная на кусок дерева в доме № 43. В доме № 154 в северо-восточном углу – череп собаки (положение нарушено). Все вышеперечисленные многочисленные археологические факты культа собак и лошадей в г. Болгаре в X–XIV вв., по сообщению М.Д. Полубояриновой, обнаруживаются и в других городах X–XIII вв.¹⁴⁷

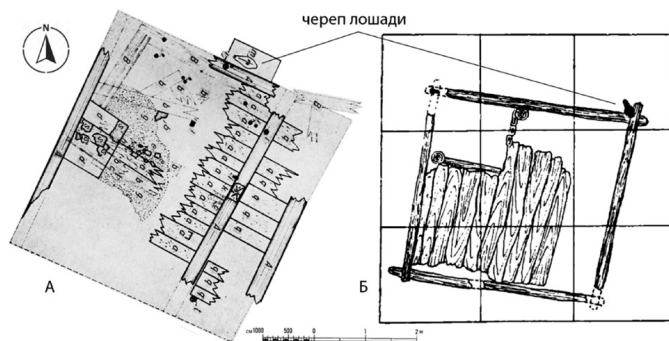

Рис. 16. «Строительные жертвы» – конские черепа под остатками срубов в Волжской Булгарии и на Руси: А – план дома XIII в., раскоп III-1946 г., сооружение № 1 в г. Болгаре (по А.П. Смирнову¹⁴⁸); Б – план дома середины XIV в., раскоп XIV-1955 г., постройка № 23 в Великом Новгороде (по В.В. Седову¹⁴⁹).

Ритуал принесения «строительных жертв» был широко распространен в золотоордынском Улус Джучи. Они отмечаются на Северном Кавказе в г. Азак (Азов), где «строительные жертвы» связываются с ремесленными мастерскими. Под бронзолитейными печами были расчищены скелеты трех собак; под хлебопекарным тандыром – скелет гуся и чучело овцы¹⁵⁰.

Обычай помещать под строящийся дом в качестве оберега жертвенных животных был широко распространен в Средневековье, а в виде пережитка – и в более поздние времена. В.В. Седов привел несколько ярких примеров «строительных жертв» X–XIV вв., открытых при раскопках в Новгороде (рис. 16: Б). В основном это лошадиные черепа, положенные под углы или стены строящегося дома, по-видимому, вблизи входа¹⁵¹. На Тигашевском городище в комплексе булгарского святилища рубежа X–XI вв. были открыты скелеты собак, помещенных в качестве оберегов (см. выше). В городской застройке столицы Волжской Булгарии г. Биляра второй половины XI – начала XIII в. в жилище в южном углу сруба обнаружен скелет собаки, зарытой в качестве «строительной жертвы»¹⁵². Об охранительных «строительных жертвах» лошадей в Суздале пишет М.В. Седова. Ею отмечено около 10 таких случаев, в том числе при сооружении внутривальных конструкций¹⁵³. Также отмечается: «В последние годы новые находки в археологических материалах подтверждают широкое сохранение традиции закладных жертв в среде древнерусского населения – от эпохи сложения государства (IX–X вв.), через всю эпоху Древней Руси (XI–XV вв.) и до времени Московского царства (конец XV–XVII в.)»¹⁵⁴.

Таблица 1

**«Строительные жертвы» в жилой застройке центральной части г. Болгара XI–XIV вв.
(по М.Д. Полубояриновой с дополнениями)**

Объект, автор раскопок	Раскоп, сооружение	Место локализации в доме	Ориентировка по сторонам света в доме	Вид животного	Останки	Датировка
дом № 80, А.П. Смирнов и З.А. Акчурина	раскоп I-1951 г., сооружение № 2	лежал на доске	в юго-восточном углу	собака	череп	конец XI в.
дом Н.Д. Аксенова	раскоп XVII-1967 г.	на дне полуземлянки		КРС собака лошадь	лопатки, две целые челюсти, два черепа, нижняя челюсть и бедро	конец XIII в.
дом № 154, Н.Д. Аксенова	раскоп XXXVII-1970 г., сооружение № 1	котлован, подчетыреугольной формы со скругленными углами	в северо-восточном углу	собака	череп	конец XIII в.
дом № 207, М.Г. Крамаровский	раскоп LVIII-1977 г., сооружение № 1	в яме глубиной 25 см	в юго-западном углу	собака	череп	начало XIV в.
дом № 33–34, Н.Ф. Калинин и З.А. Акчурина	раскоп III-1946 г., сооружение № 1	снаружи дома, в яме, прикрытой известняковой плитой и слоем песка	у восточного угла	лошадь	череп	первая половина или начало XIV в.
дом № 105, А.П. Смирнов и З.А. Акчурина	раскоп I -1957 г., сооружение № 5	подполье, вместе с корчагой с семенами злаков, окруженные колышками	в северо-западном углу	собака	череп	первая половина XIV в.
Д.Ю. Бадеев	раскоп СХСII-2013 г., усадьба «Г»	подвал (яма № 1)		собака	16 взрослых скелетов и останки щенков	20–40-х гг. XIV в.
дом № 171, Н.Д. Аксенова	раскоп XLIV-1973 г., сооружение № 3	подполье, на дне под досками в заполнении подполья		собака	два целых скелета и часть черепа, еще два скелета	вторая четверть XIV в.
дом № 225, Н.Д. Аксенова	раскоп LXXXVI-1983 г., сооружение № 2	на дне подполья	у северо-западной стены и в южном углу	собака	два черепа и череп	середина XIV в.
дом № 92, О.С. Хованская	раскоп Ia-1952 г., сооружение № 6	на дне полу-круглой ямы сооружения		лошадь	череп	конец XIV в.
дом № 213, Г.Ф. Полякова	раскоп LXV-1979 г., сооружение № 9	подполье	у южной стены	собака	скелет	конец XIV в.
дом № 226, Н.Д. Аксенова	раскоп LXXXVI-1983 г., сооружение № 13	подполье	у юго-западной стены и в южном углу	собака	два черепа	конец XIV в.
дом № 89, О.С. Хованская	раскоп Ib-1952 г., сооружение № 1	на дне подпольной ямы	на южном краю	лошадь	череп	XIV в.
дом № 43, А.П. Смирнов и З.А. Акчурина	раскоп I-1948 г., сооружение № 3	подполье, на куске дерева		медведь	лапа	XIV в.

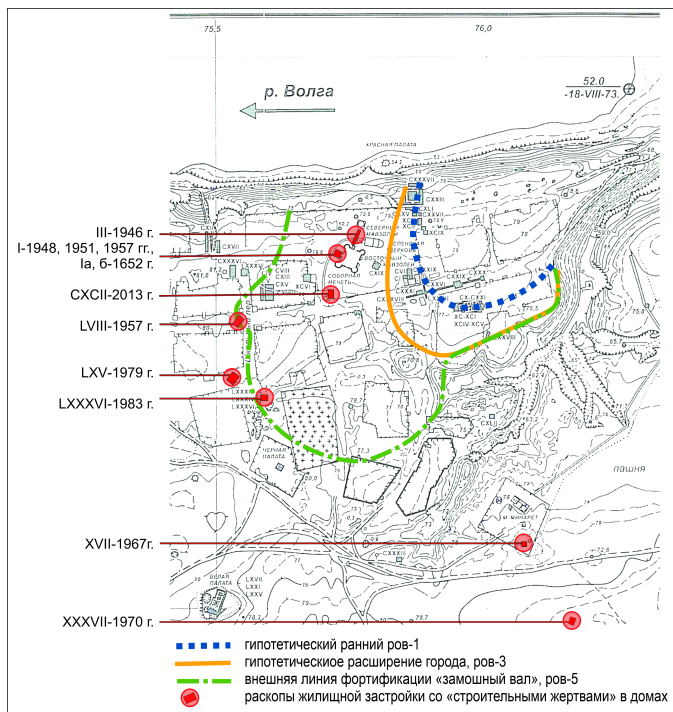

Рис. 17. Центральная часть г. Болгара с укреплениями домонгольского времени и выделенными раскопами жилых кварталов XI–XIV вв. со «строительными жертвами» в постройках.

По сообщению Д. Ю. Бадеева и Л. В. Яворской, на раскопе СХСII-2013 г. при исследовании усадьбы 20–40-х гг. XIV в. был выявлен заглубленный объект – подвал (яма № 1), который, как и наземная постройка над ним, пострадал в результате сильного пожара. В подвале было обнаружено 16 скелетов взрослых собак и набор разрозненных останков от нескольких новорожденных щенков. Исследователи считают, что собаки оказались заперты и погибли в постройке, которая размещалась непосредственно над подвалом или вблизи от него¹⁵⁵. Однако нахождение скелетов собак в подвалах домов г. Болгара часто связывается со «строительными жертвами». В данном случае также нельзя исключить версию ритуального характера захоронения собак в раскопе СХСII-2013 г.

Исследуя «строительные жертвы» в жилой застройке центральной части г. Болгара XI–XIV вв. (табл. 1; рис. 17), можно сделать некоторые выводы. В домах XI–XIII вв., ориентированных стенами по сторонам света, черепа жертвенных животных располагались по углам восточной стены (рис. 18: А), тогда как в домах XIV в., ориентированных в основном углами

по сторонам света, почти все «строительные жертвы» собак располагались в западной части подпольев (рис. 18: Б). У многих народов семантика жертвенной собаки связана с древними представлениями о связи между миром живых и миром мертвых. В традиционных представлениях чувашей собака может быть использована в качестве жертвенного дара, так как служит заместителем духов предков и входит в связь с иным миром. Обычно такая связь осуществляется во время кормления собаки. По сообщению А.К. Салмина: «Версию “собака – дух предка” подкрепляет и уточняет материал по зороастрийской религии. У зороастрийцев, как и у чувашей, “время кормления собаки – сразу после захода Солнца”»¹⁵⁶. Отчасти это связывалось с тем, что собаке приписывались охранительные функции после заката солнца до рассвета. Вероятно, представления о сакральном месте размещения жертвенной собаки с западной стороны дома основывалось на мировоззрении «собака – дух предка». Примечательно также то, что около половины выявленных случаев «строительных жертв» собак представляют парные черепа или скелеты. В таких случаях прослеживается образ собаки, охраняющей вход в загробный мир, из древней персидской мифологии, где две четвероглазые собаки охраняют мост Чинват, который служит границей между миром живых и миром мертвых. Снаружи одного дома у восточного угла находился череп лошади (рис. 10: А). Здесь можно объяснить выбор местоположения, исходя из того, что на Руси в подавляющем большинстве случаев в качестве «строительной жертвы» использовался череп коня, который являлся одним из основных культовых животных в славянской мифологии, связанным с солярным культом и культом плодородия. Подобная семантика была и у болгар. В целом «строительные жертвы» не были приурочены к определенной части города или улице, а находились в домах разных кварталов центральной части средневекового г. Болгара (рис. 17).

Известны этнографические случаи использования черепов собак для защиты от злых духов у тюркских народов Поволжья. Например, у чувашей защищающую функцию при падеже домашнего скота выполнял череп черной собаки, обращенный к улице и зарытый у ворот. В таком случае

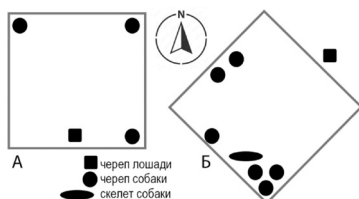

Рис. 18. Ориентация по сторонам света домов в г. Болгаре и размещение в них «строительных жертв» по табл. 1.

«череп не допускал нечистого духа до этого места»¹⁵⁷. В суевериях чувашей проглядывает идея о способности собаки войти в таинственную связь с божествами и охранять человека от нападения нечистых сил. Они верят, что «четыреглазые» собаки чувят и видят *усалов* и *муров*, воплощения злых духов и болезней, лесных духов, духов умерших людей и отгоняют их¹⁵⁸. Принимая во внимание вышеизложенное, распространенный культ собаки, используемый в качестве «строительной жертвы» у волжских булгар, можно считать надежным маркером культового статуса мест их обнаружения в подпольях домов или около угла дома в г. Болгаре. Сами «строительные жертвы» указывают на приверженность к традиционной вере части булгар не только среди сельского населения, но и жителей крупных городов Волжской Булгарии и Булгарского улуса.

3.3. Круглоплановое кольцевое святилище Ага-Базар середины XIV – начала XV в.

Интересное круглоплановое кольцевое святилище было выявлено в пригороде г. Болгара (рис. 1: 7; 19). Оно располагалось на территории Ага-Базара – крупного торгово-ремесленного и культурного центра X–XV вв., расположенного в 6 км к северо-западу от города на второй террасе берега волжского затона. Святилище обнаружено К.А. Смирновым в 1954 г. в результате раскопок на краю надлуговой террасы. На площади в 176 кв. м обнаружены 7 кострищ в ямах, одно – на поверхности, вне ямы, и одно – на глиняной вымостке. Эти 9 кострищ расположены по окружности, в центре которой найдены остатки столба с плоским основанием, ясно прослеженным в виде буроватого тлена, по своему характеру аналогичного древесного тлену в других местах городища. В плане остатки столба дают правильный круг диаметром 38 см. В разрезе столб имеет прямоугольную форму и углублен в материк на 32 см от дневного уровня. Прямоугольное сечение ямы с остатками древесного тлена, без всяких следов корней, позволяет предполагать в нем остатки нижней части деревянного столба, по-видимому, идола. Вокруг идола открыто и исследовано 9 кострищ. Как отмечено выше, семь из них находились в ямах¹⁵⁹. Южнее неправильной формы кольца из костровых ям обнаружены остатки костра, разведенного на поверхности, а юго-восточнее от центра окружности находилось кострище. Это кострище имело вымостку из хорошо утрамбованной глины размером 0,86 × 1,24 м. В центральной части вымостка имела фактуру, напоминающую кирпич. На ее поверхности прослежен слой угля и золы мощностью до 0,3 м. Было установлено, что выявленные объекты: центральный столб и 9 кострищ – стратиграфически относятся к одному времени. По найденным в ямах монетам был установ-

лен возраст памятника: «В яме 1 найдена монета 742 г. х. (1341/1342 гг. н. э.), в яме 3 – монета, чеканенная около 740 г. х. (около 1340 г. н. э.) и в яме 5 – монета 790 г. х. (1388 г. н. э.), с надчеканкой первой четверти XV в. Эти монеты позволяют датировать ямы в пределах 40-х годов и второй половины XIV в. и начала XV в.»¹⁶⁰. Таким образом, автором раскопок было датировано святилище с середины – второй половины XIV в. до самого начала XV в.

К.А. Смирнов пытался найти аналогии этому культовому памятнику, привлекая результаты раскопок Бальмерского городища «Шелом» и жертвенника, вскрытого в урочище Бабий Бугор (на Булгарском городище). Однако эти памятники более древние и относятся к Именьковской культуре. Он также видит аналогии на славянских святилищах в Перыни близ Новгорода и болотных городищах-святилищах под Смоленском. Но считает такое сравнение лишь внешним, отнеся святилище в урочище Ага-Базар к угро-финнам. Были сделаны попытки рассмотреть археоастрономическую планиграфию святилища Ага-Базар. Автор раскопок отмечает: «Семь кострищ, расположенных в ямах, находятся к С от идола. Это может объясниться тем, что культ был связан с поклонением солнцу. ...Костры, находящиеся в ямах, горели не беспрерывно. Перед каждым жертвоприношением место разравнивалось и делалась глиняная площадка. На это указывает наличие глиняных линз в разрезе ям»¹⁶¹. В ямах, заполненных супесью, были

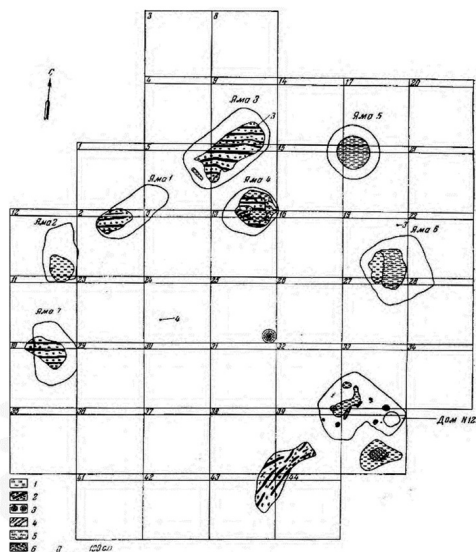

Рис. 19. План святилища Ага-Базар (по К.А. Смирнову): 1 – глина; 2 – уголь; 3, 4 – обожженное дерево; 5 – лиственная супесь; 6 – вымостка.

обнаружены следы огня в виде слоя угля и золы. Отмечены глиняные прослойки, перекрывавшие следы кострищ. Во всех ямах найдена болгарская гончарная керамика и обломки костей домашних животных, в одной яме был положен череп лошади. В трех ямах находились монеты¹⁶².

Доказательствами культового статуса святилища Ага-Базар являются следующие маркеры. К I группе относится наличие следов идола и кольцевая планировка жертвенных костров, отвечающих археоастрономической планиграфии. Ко II группе маркеров следует отнести монеты в трех ямах, что не может быть случайностью. Сюда же следует отнести необычную концентрацию граффити на ручках и стенках сосудов (рис. 20). На жертвеннике в ямах найдены 2 стенки сосудов и 7 ручек с граффити, а в других частях жертвенника обнаружено еще 11 ручек от сосудов с граффити¹⁶³. Чаще всего на ручках изображены крестики – на 5 находках (рис. 20: 1–5). Крест – самый распространенный знак на золотоордынской керамике, он являлся символом огня и солнца¹⁶⁴. В гончарном производстве керамики крест также нес сакральный символ огня. Он наносился перед обжигом на отдельные сосуды для «запечатывания» огня в горне, как оберег для остальных сосудов¹⁶⁵. Было установлено, что знаки на золотоордынскую керамику были нанесены не мастерами гончарного производства, а владельцами этой посуды. При этом все знаки встречаются на сосудах тарного типа – на крупных кувшинах или на сфероконических сосудах¹⁶⁶. Можно предположить, что на святилище Ага-Базар граффити на ручках сосудов специально использовались в ритуальных целях для церемоний, связанных с огнем и солнцем. Возможно, преднамеренно отбирались сосуды с подобными тарными знаками, также вероятно, что приносились ручки с граффити-оберегами от разбитых кувшинов.

Подробно золотоордынская керамика с граффити, включая керамику из Ага-Базара, была изучена М.Д. Полубояриновой. Ею отмечается, что многие знаки из святилища Ага-базар встречаются на сосудах и кирпичях

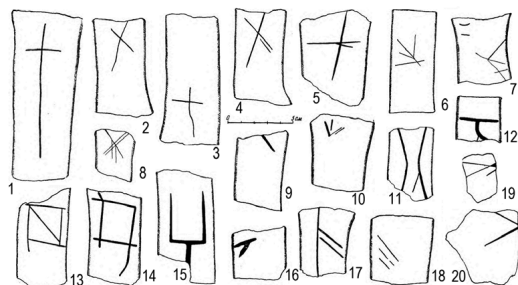

Рис. 20. Граффити на ручках (1–18) и стенках (19, 20) болгарских сосудов из святилища Ага-Базар¹⁶⁷.

Саркела, на камнях и кирпичах Плиски, на камнях Маяцкого городища. Из ближайших аналогий приводятся города Болгар и Биляр. Некоторые граффити, по мнению большинства специалистов, являются тюркскими родовыми знаками¹⁶⁸. Особенно интересно не просто процарапанное, а хорошо вырезанное граффити в виде двузубца (рис. 20: 15). Двузубец и трезубец являлись тамгами царствующего рода: «...принадлежность двузубца и трезубца правящему роду подтверждается для Золотой Орды данными этнографии по тюркским народам, входившим некогда в состав этого государства»¹⁶⁹.

4. СВАТИЛИЩА «ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ» АРСКОЙ ЗЕМЛИ XII–XV ВВ.

Разведочные работы в 1945 г. П отряда археологической экспедиции под руководством О.С. Хованской в бассейне р. Казанки в районе д. Русский Урмат (рис. 1: 18) выявили прямоугольную площадку, обнесенную внешним валом и внутренним рвом¹⁷⁰. По середине широкой межи, в 30 м от бровки берега, возвышается небольшой холмик высотой 30 см. По словам местного старожила Карим-Аба из Айши, тут была когда-то часовенка. Непосредственно у края обрыва, в конце межи, находится небольшая площадка, обнесенная рвом и валом, образованным выбросами земли. Глубина рва 0,7–1 м. Перемычка шириной в 1 м ведет через ров, который сливается с западной стороны с глубоким оврагом. Площадь огороженного пространства около 100 м. С южной стороны ограничивает площадку обрыв верхней террасы р. Урмат. В восточном углу площади находится яма глубиной 70 см. В шурфе, заложенном по середине ямы, на глубине 10 см были обнаружены кости животных. По рассказам местных жителей, в последнее время тут хоронили животных, но огороженное пространство существует с незапамятных времен.

Данное святилище находится на территории Иски-Казанского историко-культурного комплекса в Высокогорском муниципальном районе Татарстана. Результаты исследований позволили определить период наиболее интенсивного заселения и развития поселений этого комплекса XI – середина XVI в. Урматское поселение связывается с Иски-Казанью, достигшей расцвета в конце XIII – XIV вв. и просуществовавшей до второй половины XVI в.¹⁷¹ Вероятно, Русско-Урматское святилище напрямую связано с разным этническим составом населения. Это могли быть как местные удмурты, так и переселившиеся сюда с XII в. болгары из-за перенаселения, нехватки земель в связи с их распределением по наделам (иктам) служилым людям. После разорения монголами городов и сельских агломераций основной территории Волжской Булгарии, болгарское население пересели-

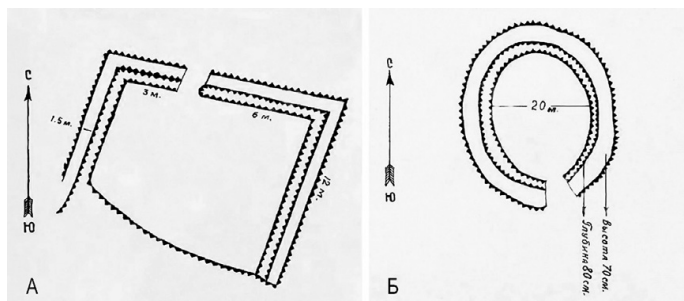

Рис. 21. Святилища «жертвенные комплексы по О.С. Хованской» в бассейне р. Казанки в Прикамье: А – Русский Урмат, Б – Чума-Елга.

лось в Прикамье в XIV–XV вв. В этой связи датировка Русско-Урматского святилища пока не точна и обширна: XII–XV вв.

В 3 км на юго-запад от д. Чума-Елги по дороге в с. Смак-Корсу (рис. 1: 19), среди вспаханного поля, в 300 м от леса, выделяется небольшая круглая площадка, обнесенная рвом глубиной 0,6 м и валом высотой до 0,8 м. С южной стороны на площадку вела перемычка шириной в 1 м. Следов погребения не обнаружено. По своему типу она напоминает урматскую площадку и также рассматривается, как древнее жертвенное место «киремель»¹⁷².

Еще одно жертвенное место было обнаружено на безымянной речке, впадающей в р. Кисьмес – в 2 км западнее д. Чума-Елги (рис. 1: 20). При слиянии двух речек обращает на себя внимание круглый выступ коренного берега, ограниченный с северной стороны глубоким оврагом 30 м высотой. По бровке выступа, имеющего грушевидную форму, идет выемка в виде дороги, посередине ряд неглубоких ям, оставшихся после разработки известняка. Шурф, заложенный на глубину 0,5 м, дал следы кострища на материке. Вещевых остатков не обнаружено. Этот выступ, по мнению О.С. Хованской, – древнее жертвенное место. Оно до сих пор называется «Кереметь-оврагом» и считается священным у татар¹⁷³.

Рис. 22. Жертвенное место «Кереметь-овраг»: А – рисунок О.С. Хованской; Б – место на Яндекс-карте.

В период Золотой Орды и Казанского ханства Арская земля как территориально-податная единица продолжала существовать, но сильно сократила территорию проживания и количество финно-пермского населения – арян. Ей приходилось постоянно воевать то с казанскими ханами, то с русскими ушкуйниками и др. Ее этнический состав, по данным документов, был неоднороден: это и «арские люди» (удмурты), и «черемисе» (мари), и «чуваша арская» (булгары), и татары¹⁷⁴. Культовый статус Русско-Урматского и Чума-Елганского святилищ подтверждается маркерами III группы, когда ров располагается с внутренней стороны, а вал – снаружи. Также важно, что на Чума-Елганском святилище обнаружены следы кострища, и оно кольцевой формы. Жертвенное место «Кереметь-овраг» стало известно от местных жителей.

5. СВАТИЛИЩА В ЧУВАШСКОМ ПОВОЛЖЬЕ XIII–XIV ВВ. И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ БУЛГАРСКИХ И ЧУВАШСКИХ КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ТРАДИЦИОННОЙ ВЕРЫ

Шинерпосинское святилище – «Шинер-Киреметь» располагается в 0,7 км к юго-востоку от д. Шинерпоси Чебоксарского муниципального округа Чувашской Республики (рис. 1: 3) на мысу, покрытом многолетними дубравами, ограниченном с восточной и западной сторон глубокими оврагами. Шинерпосинское святилище – судя по сложным конструктивным элементам памятника, является нерядовым сакральным объектом, и скорее всего, является духовным территориальным центром округи. Это культовый комплекс площадью приблизительно в 10 816 кв. м (в пределах подквадратной площадки 104 × 104 м). С северной и южной сторон площадка святилища отделена небольшим валом (высотой до 1,5 м) и местами оплывшим рвом (глубиной до 1 м). По предварительным совокупным данным, памятник датируется XII–XIX вв. и относится к булгаро-чувашскому наследию¹⁷⁵.

Один шурф был заложен на большой грабительской яме размером примерно 1,5 × 1,5 м, из которой виднелся край песчаной плиты, покрытой мхом. Видимая глубина ямы составляла около 0,4 м. Шурф выявил следы подземного сооружения в виде камеры размерами 1,4 × 1,0 м с вертикальными стенками высотой 1,6 м, с остатками деревянного перекрытия, скрепленного железными подковными гвоздями, лежавшего на земляных плечиках. Над камерой сооружение увеличивалось в размерах до 2,1 × 1,4 м. На плечиках, выше деревянного перекрытия, с двух сторон лежали по несколько русских медных монет конца XVIII – начала XIX в. В это сооружение с западной стороны вели ступени, на нижнюю были положены две

половинки от разных каменных жерновов, под ними был обнаружен металлический стержень. Каменная плита оказалась самым большим камнем, обнаруженным на святилище. Она имела удлинненную форму и, вероятно, специально спущена в сооружение и поставлена одним концом на нижнюю ступень поверх обломков жерновов. Вся камера была заполнена жжеными кальцинированными костями жертвенных животных, золой и угольками. В этом заполнении были найдены монеты конца XVIII – начала XIX в. Немного восточнее от этого шурфа, на самом пологом месте площадки святилища, отмечены самые большие грабительские перекопы. На поверхности, на месте перекопов, собраны медные монеты, датированные XIII–XIV вв. (табл. 2). Вероятно, в этой части святилища располагался объект золотоордынского времени. На святилище не обнаружена керамика, но зафиксированы компактные скопления монет ордынского времени, а также видны следы прокала в грунте, встречаются кальцинированные кости животных, черепа лошадей и лисицы. Видны разные по форме объекты западины, ямы с кострищами, крупные костыща, обращает на себя внимание сооружение подквадратной формы размером примерно 10×10 м с прямоугольным возвышением в центре. Многие из них относятся к более позднему времени и связываются с чувашской киреметью. Но поскольку памятник не исследован в полной мере, то можно предполагать нахождение здесь сооружений и объектов XIII–XIV вв., связанных с ритуальной деятельностью. В 1220–1240-х гг. Волжская Булгария завоевана монголо-татарами и, сохранив некоторую автономию, была включена в состав Улуса Джучи (Золотой Орды), первой столицей которого (в XIII в.), политическим и торгово-ремесленным центром был г. Болгар. Булгарская культура стала важнейшим компонентом золотоордынской культуры. Но уже во 2-й половине XIII–XIV вв. основное булгарское население переселилось из Закамья в Предкамье. С этими событиями, вероятно, связывается появление части булгарского населения, придерживающегося доисламской религии на территории Чувашского Поволжья, в непосредственной близости от Волги. Само святилище, вероятно, действовало в Золотоордынский период. Не случайно среди найденных 19 монет и 10 их разновидностей – 9 шт. 1240–1259 гг. и 8 монет 1330–1360 гг., многие из которых Болгарской чеканки. Непонятна пока преемственность булгарского святилища поздней чувашской киреметью XVIII – начала XIX в. Разрыв датирующего материала почти в 300 лет не дает возможности сегодня говорить об этом прямо. Однако чувашское население могло помнить и знать о более древнем культовом памятнике и чтить традиции своих предков. Тому есть близкие аналогии чувашских киреметей на месте столба-идола Тигашевского городища-святилища и на культовом раннем кольцевом рве Большетаябинского городища.

Таблица 2

**Монеты с Шинерпосинского святилища
(Определение: А.З. Сингатуллина, Казань)**

№	Описание	Местонахождение	Расшифровка
1	Бронзовый пул	К В от шурфа 2	Золотая Орда. Анонимный пул времен Узбек хана. Место чеканки не видно [сарай или азак]. 1330-е гг. Медь. Тип «лев и солнце» (Янина, 1954, № 52).
2	Серебряный пул	Яма рядом с шурфом 2	Золотая Орда. От имени каана Менгу. Булгар. Б. г. (1251–1259). Медь. Перечекан на монете с именем ан-Насира.
3	Бронзовый пул	Рядом с шурфом 2, в 10 к ССВ	Золотая Орда. От имени каана Менгу. Булгар. Б. г. (1251–1259). Медь. Перечекан на монете с именем ан-Насира.
4	Бронзовый пул	Рядом с шурфом 2	Золотая Орда. Анонимный пул времен Джанибек хана. 1340-е гг. Сарай ал-Джадид. Тип «двуглавый орел».
5	Бронзовый пул	Рядом с шурфом 2	Золотая Орда. От имени кагана Менгу. Булгар. Б. г. (1251–1259). Медь. Перечекан на монете с именем ан-Насира.
6	Бронзовый пул	В 5 м к ЮВ от большого камня	Золотая Орда. Хызр хан. Пул. г. Гюлистан, 762 г. х. = 1360,1 г. Медь.
7	Бронзовый пул	Рядом с шурфом 2	Золотая Орда. Хызр хан. Пул. г. Гюлистан, 76(2) г. х. = 1360,1 г. Медь.
8	Бронзовый пул	В 3 м к ВСВ от камня	Золотая Орда. От имени ан-Насир ад-Дин Аллаха. Б. г., б. м. (Болгар, 1240-е гг.). Медь.
9	Бронзовый пул	Шурф 2, монета 6	Золотая Орда. От имени ан-Насир ад-Дин Аллаха. Б. м., б. г. (Болгар, 1240-е гг.). Медь.
10	Бронзовый пул	Яма № 2, грабительский вкоп	Золотая Орда. От имени ан-Насир ад-Дин Аллаха. Б. г., б. м. (Болгар, 1240-е гг.). Медь.
11	Бронзовый пул	Основное костыще, № 10	Золотая Орда. От имени каана Менгу. Булгар. 1250-е гг. Перечекан на монете от имени ан-Насира. Медь.
12	Бронзовый пул	Из грабительского отвала основного костыща	Золотая Орда. От имени каана Менгу. Булгар. Б. г. 1250-е гг. Перечекан на монете от имени ан-Насира. Медь.
13	Бронзовый пул	Из грабительского отвала основного костыща	Золотая Орда. От имени ан-Насир ад-Дин Аллаха. Б. м., б. г. (Болгар, 1240-е гг.). Медь.
14	Бронзовый пул	В 10–12 м к ЮВ от камня	Золотая Орда. Анонимный пул. Тип «цветочный орнамент» времен Джанибек хана (?). Сарай ал-Джадид. Начало 1350-х – 1360-е гг.
15	Бронзовый пул	В 10–12 м к ЮВ от камня	Золотая Орда. Хызр хан (1359–1361). г. Гюлистан. Год не виден. Медь. Пул.
16	Бронзовый пул	В 10–12 м к ЮВ от камня	Золотая Орда. Хызр хан (1359–1361). г. Гюлистан. Год не виден. Медь. Пул.
17	Бронзовый пул	В 10–12 м к ЮВ от камня	Золотая Орда. Анонимный пул времен Узбек хана. Булгар. 1330-е гг. Медь. (Янина, 1954, № 37).
18	Серебряный дирхем	Основное костыще, № 2	Подражание куфическому дирхему. В. Булгария (?). X–XII вв. Сплав (?). Серебро (?).
19	Серебряный дирхем	Основное костыще, № 2	Подражание куфическому дирхему. В. Булгария (?). X–XII вв. Сплав (?). Металл не серебро.

Памятник под названием «Шинер-Киремет» был известен по этнографическим данным начала XX в., собранным Н.В. Никольским¹⁷⁶. По сохранившимся сведениям, до начала XX в. «Шинер-Киремет» являлась крупным святилищем большой округи, которая объединяла несколько селений. Легенда о памятнике была записана в 1905 г. на чувашском языке.

Одно из первых известных упоминаний о памятнике содержится в книге В. Магницкого «Материалы к объяснению старой чувашской веры», изданной в Казани в 1881 г. Житель с. Абашево Василий Якимов сообщил В. Магницкому о нахождении трех киреметей: «Еще известно место вблизи села Абашева по реке Шинер под названием “Шинер-Киреметь”. Это место считается местом сына Божия; собирается к этому месту народ из разных обществ, и на этом месте режут 3-годовалого жеребца, варят его и едят во имя киремети, что производится в лесу в овраге ночью; и здесь также приносятся разные жертвы и бросаются вещи также, как и “киремети Сорым”». Недалеко от села Абашева, в версте, в лесу на горе находятся большие камни – род горна. Здесь и находится Шинер-Киреметь. В честь сына Божия. Около этих камней находится зола, монеты и др. признаки жертвоприношений»¹⁷⁷. Возможно, под словосочетанием «род горна» имелись в виду большие камни из горной породы. Таковые действительно были обнаружены на Шинерпосинском святилище, представляли собой сцементированные песчаники пермских пород. Один камень лежал при подъеме по дороге в гору, остальные – на вершине друг за другом в юго-восточном направлении.

Интересно также понятие «киреметь Сорым», поскольку киреметь чувашами часто персонифицировался. Очень часто он имел прототипы. У чувашей есть легенда, повествующая о происхождении одного из могущественных киреметей по имени Сорым, согласно которой он был бо-

Рис. 23. Находки с Шинерпосинского святилища: 1–4, 6 – ремешные и поясные накладки; 5 – пряжка; 7–8 – монеты X–XI вв.; 9 – жетон; 10–11 – монеты 40-х гг. XIII в.; 12–14 – монеты 50-х гг. XIII в.; 15–18 – монеты 30–40-гг. XIV в.

гатеем, завладевшим обманным путем общинной землей. Когда мир стал высказывать ему претензии, он схитрил следующим образом. Во всех четырех углах присвоенного участка вырыл по погребу, посадил туда сыновей, дав им соответствующий наказ: при обращении с вопросом – чья земля, ответить, что земля принадлежит Сорыму. Сооружения сверху прикрыли землей. Обман прошел с большим успехом, и они сохранили за собой присвоенные участки. Но Сорым в итоге заплатил чудовищную цену за свою проделку: его сыновья задохнулись в погребах. Позже место их гибели стало киреметью¹⁷⁸. Выше уже сообщалось, что на Шинерпосинском святилище было раскопано подобное погребу сооружение, перекрытое досками с забитыми в них подковными гвоздями и присыпанной землей. Возможно, такое сооружение, согласно чувашской мифологии, и было вместилищем киремети.

Севернее от д. Чиганары в урочище «Хёрлĕ сыр» есть родник «Сивĕ çăл» восточнее р. Ошнауши в Чебоксарском муниципальном округе Чувашии (рис. 1: 4). Это место у местного населения священо, здесь отмечается Чиганарское болгарское святилище и чувашская киреметь «Хёрлĕ сыр». Н.А. Фомиряков смог отыскать это место и случайно на месте родника нашел клад уложенных вместе земледельческих орудий из трех серпов и трех «кос-горбуш», близких по аналогиям к таковым из болгарских памятников, например г. Биляр¹⁷⁹. Серпы и косы нередко находят в земледельческихкладах, назначение которых не всегда ясно. Эти орудия труда представляли собой эмблему плодородия и радуги, были связаны с сельскохозяйственными культами и служили оберегами. Их клали в погребения, часто оставляли на капищах, их свойство быть острозаточенными использовали в магии колдовства над природой, в качестве оберегов служили в традиционных верованиях, применяли в обрядах¹⁸⁰. Место «Хёрлĕ сыр» интересное и примечательное. На склоне оврага в этом месте отложились известковые туфы – причудливая осадочная горная порода. По своему происхождению они обязаны этому роднику. Каменный уступ из этой горной породы образовался в результате быстрого химического осаждения карбоната кальция из подземных источников при выходе их на поверхность. Часть камней упала и засыпала овраг, естественным образом оформив чистую заводь родника. Необычные легкие пористые камни с множеством отверстий и пустот всегда вызывали повышенный интерес в качестве природных оберегов. Таким образом, Чиганарское святилище находит свое место среди болгарских святилищ, которое можно отнести к категории жертвенных мест.

Примечательно, что Чиганарское святилище можно также сопоставить с киреметью, о которой сообщил В. Магницкому информатор из с. Абашево. В сообщении говорится, что близ д. Моська-Касы (Моська – черная собака, по примечанию В. Магницкого), находящейся между Че-

боксарами и Ишаками есть лес под горою и родник, который считается местопребыванием Киремети. Чуть севернее святилища «Хёрлѣ сыр» находится д. Собак-Касы, что согласуется с рассказом информатора. О данной киремети он сообщил много любопытных сведений. Так, местные жители сюда пускают живых уток, кур, разных кукол, блестящие жестянки и иногда молодых козлят. При этом ловятся вместо домашней птицы маленькие птички синицы, которых убивают и бросают в родник. Туда же бросают серебряные монеты. С этим местом связываются заклęcia. Так, если соседи имеют между собой вражду, то один из них старается у своего противника оторвать кусочек от одежды и, завязав в него камень, бросает в родник, дабы Киреметь мстила тому человеку у наводила болезни и корчи. Но местные ворожеи научили снимать проклятие с помощью щуки. Ее, необязательно живую, или только голову надо было запустить в тот же родник, якобы щука может вытащить все враждебно оторванные кусочки одежды и снять проклятие¹⁸¹.

Таким образом, видна преемственность болгарских и чувашских святилищ. И несмотря на позднее происхождение киреметей в местах болгарских святилищ, эта связь хорошо прослеживается, поскольку народ помнил о значимых болгарских святилищах, знал их места расположения, понимал их сущность, сохранял веру в природные силы и продолжал чтить древние традиции, соблюдая обрядность. Использование монет (иногда жетонов) в качестве подношений духам предков исследовано на болгарских Шинерпосинском святилище и святилище Ага-Базар. Чуваша продолжали эту традицию на священных местах. Это связано с тем, что духов предков поминали только на киремети. Вместе с подлинными монетами использовались подражания – жестяные монетки («деньги аргамака») или оловянные кружочки («нухратки» и «тухланки»). Все известные болгарские святилища в зоне компактного проживания чувашей оказались охваченными культовой практикой народной веры в Новое время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что в Волжской Булгарии в X в. создавались культовые памятники традиционной веры, такие как: Тигашевское городище-святилище, кольцевое святилище на Большетаябинском городище, а также, вероятно, раннего Булгарского городища и несколько кольцевых городищ Билярской сельской агломерации и др. Предпосылками стало функционирование неукрепленных селищ, располагавшихся поблизости от реки или ее притока в местах постоянного кочевания. В местах сельских агломераций выбирались высокие площадки среди глубоких оврагов на краях коренных террас или в труднодоступных заболоченных местах, вдали от крупных рек для создания городищ или

городищ-святилищ, выполняющих первые административно-религиозные функции. Некоторые из них с принятием новой исламской веры переросли в крупные города Волжской Булгарии. Другие продолжили свою культовую практику как минимум до конца XI в. Среди них были большие культовые центры и комплексы. Мы можем предполагать, что укрепленные поселения кольцевой планировки, часть из которых затем превратилась в города, возникали на протяжении X в. Как считает К.А. Руденко, это могло происходить в первой половине столетия в период гегемонии династии Джаффаридов, связанных семейно-родственными узами с огузами, или в конце 80-х гг. X в., когда отношения булгар с огузами, выступавшими несколько десятилетий против суварских правителей, в том числе и в союзе с киевским князем Владимиром I (например, в его походе на булгар в 985 г.), были восстановлены¹⁸².

Еще в X в. в результате государственного планирования Волжской Булгарии на новом месте строится самое большое укрепленное поселение – Биярское городище. Однако в основе выбора места, вероятно, послужил округ многочисленных сельских агломераций с несколькими культовыми объектами кольцевой планировки. Служители культов, видимо, стали первым объединительным религиозным фактором, на основе которого верхушка общества получила религиозную легитимацию. В свою очередь, власть обеспечивала защиту устоев народной религии, имущественные и иные интересы жрецов¹⁸³.

На следующем этапе булгарской урбанизации в XI–XII вв. поселенческая структура, в которой города выступали как узловы́е элементы, формировалась по-разному. Она была достаточно разнообразной, включая агломерации разного порядка и типа¹⁸⁴. На рубеже XI–XII вв., вновь под влиянием ислама и защиты территории Волжской Булгарии, некоторые крупные святилища утрачивают свою функцию (Тигашевское городище-святилище), на месте других строятся новые хорошо укрепленные городские крепости (Большетаябинское городище и Булгарское городище). После монгольского завоевания Волжской Булгарии не позднее XIII в. известные нам кольцевые городища-святилища перестают функционировать.

В XIII–XIV вв. появление крупного межплеменного Шинерпосинского святилища в Чувашском Поволжье связывается с миграционными процессами части булгарского населения после завоевания Волжской Булгарии в первой половине XIII в. Мало информации об устройстве культовых памятников традиционной веры этого периода. Необходимо продолжить археологические исследования Шинерпосинского святилища.

В 1312 г. к власти в Золотой Орде приходит хан Узбек. Через несколько лет после принятия титула хана он делает ислам государственной религией Улуса Джучи. На момент монгольского завоевания эту религию исповедовало включенное в Орду население Волжской Булгарии и Хорез-

ма. Утвердившись на престоле, Узбек ведет борьбу с шаманами, ламами и т. д., требуя от подданных обращения в ислам¹⁸⁵. На первоначальных этапах исламизации новая для большинства населения Улуса Джучи религия распространяется в городских центрах Золотой Орды, поскольку именно там были наиболее благоприятные для мусульманизации условия. Распространение магометанства успешнее всего шло в среде властной элиты и городского населения. Кочевая степь Дешт-и-Кипчак в XIV в. была очень поверхностно затронута мусульманством, ее жители оставались еще во власти шаманистских воззрений¹⁸⁶. Однако и в крупных золотоордынских городах, таких как Азак, традиционные верования процветали наряду с исламом и христианством. А.Н. Масловский исследовал памятники традиционной веры в золотоордынском Азаке и пришел к выводам, что «...само количество свидетельств, а особенно наличие отдельных языческих могильников указывает на то, что язычники в Азаке исповедовали свои верования вполне открыто, не опасаясь преследований. При этом речь идет о группах, которые нельзя было приравнять к зиммиям, как например, зороастрийцев. На мой взгляд, данная картина совсем не исламской, а именно монгольской веротерпимости – лишнее свидетельство того, что мнение об исламе как государственной религии Золотой Орды является явным преувеличением»¹⁸⁷.

Политика исламизации Золотой Орды (Улуса Джучи) так и не была доведена до своего логического завершения – христианство, традиционные и другие верования не были окончательно искоренены на ее территории, а напротив, укоренились и влияли на мировоззрение болгарского населения. В этой связи неслучайно в качестве оберегов жилья во многих домах золотоордынского г. Болгара практикуются «строительные жертвы», в основном собаки. В портовой части г. Болгара в урочище Ага-Базар функционирует круглоплановое святилище с идолом в центре.

Ислам в его «ордынском» исполнении, в сопоставлении с классическими восточными «эталоном», оставлял желать лучшего, что в совокупности и стало, как известно, одним из поводов для «усмирения» этого государства в 1390-х гг. основателем и Великим эмиром империи Тимуридов Тамерланом (Тимуром)¹⁸⁸. Казанский историк А.Г. Мухамадиев отмечает, что особенно жестокому погрому подверглись города центральных районов, т. е. Поволжье¹⁸⁹. По свидетельству Шереф-эддина-Булгари, жившего и творившего в последние годы существования Казанского ханства: «Наши булгары славились своим развратом. Ученые законными уловками разрешили брать проценты, а равно было много грехов прелюбодеяния и смертоубийства; по причине же пьянства оставили “джуму”, оставили обряды, употребляемые после пятикратных молитв; считали дозволенным пить бузу и пиво; говоря, что нет у нас “мисра”, оставили соборное моле-

ние; порицали имама Шафи, говоря, что его слова – пустословие; также оставили “айд”: стали весьма грешны против Всевышнего Бога. И потому-то Всевышний Бог предал их господину Аксак-Тимуру»¹⁹⁰.

В период Казанского ханства в Предкамье существуют святилища и жертвенные комплексы. Арская земля становится тем регионом, где перекликаются традиционные верования удмуртов, марийцев и бывших булгар (татар и чувашей) – сохранивших народную веру. Разноэтническое население, которое включало финно-угорские, тюркские и славянские группы, способствовало появлению здесь разных культовых объектов, относящихся к традиционной вере. Чума-Елганское святилище повторяет кольцевую форму прежних булгарских кольцевых святилищ. Прямоугольная площадка Русско-Урматского святилища, огороженная внутренним рвом и внешним валом, становится племенным культовым местом для части населения крупного поселения и нового городища Иски-Казань.

Изучение культовых памятников традиционной веры на территории Волжской Булгарии необходимо продолжать, так как они являются важным источником для реконструкции духовной культуры и мировоззрения народов того периода. То, что культовые памятники традиционной веры существуют в исламском государстве, не является открытием. Все мировые религии относятся терпимо к реликтам народных верований и воспринимают их как часть своей религиозной практики. Однако ислам имеет свое особое отношение к языческим пережиткам. С одной стороны, он осуждает верования и обряды, идущие из глубины веков, с другой – вынужден с ними мириться, поскольку они являются духовной традицией народов, воспринявших ислам¹⁹¹.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

¹ Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культовые памятники Камско-Вятского региона: материалы и исследования. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2004. С. 36–66; *Его же*. Язычество и ислам в Среднем Поволжье в XI–XIV вв. (анализ археологических данных) // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011. С. 117–122; *Его же*. Могильники Волжской Булгарии и булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации // Народы и религии Евразии. 2013. № 6. С. 72–101; *Шутова Н.И.* Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культовые памятники Камско-Вятского региона: материалы и исследования. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2004. С. 5–35; *Измайлов И.Л.* Соотношение ислама и язычества в искусстве Волжской Булгарии: критический обзор методик анализа и концепций // Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций. Вып. 8. Взаимодействие культур и цивилизаций Евразии. Казань, 2007. С. 157–171; *Его же*. Соотношение ислама и язычества в улусе Джучи: проблемы историографии и современные дискуссии // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 601–627; *Его же*. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. 2016. № 2 (16).

С. 68–92; Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. 2013. № 1. С. 214–221.

² Смолин В.Ф. Раскопки «Шолома» в селе Балымерах Спасского района Татарской Республики в 1924–1925 гг. (краткий обзор) // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). Т. 33. Вып. 2–3. Казань, 1926. С. 113–130.

³ Останина Т.И. Кирбинское городище на р. Меше // Finno-Ugrica. 2001. Т. 2002. С. 15–43.

⁴ Останина Т.И. Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: [б. и.], 1985. С. 78–91.

⁵ Останина Т.И. Кузубаевское городище IV–V, VII вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2002. 111 с.

⁶ Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам). Рис. 1; Шутова Н.И. Средневековые святилища Камско-Вятского региона. Рис. 1.

⁷ Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII в.) / Ин-т истории Акад. наук Татарстана; Нац. центр археол. исслед. Казань: Фест, 1997. С. 8–36.

⁸ [Рычков Н.П.] Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. Санкт-Петербург: При Императ. Акад. наук, 1770. С. 45.

⁹ Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университет. тип., 1877. [4], X, 585, XVI. С. 356.

¹⁰ Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII в. / отв. ред. А.М. Белафин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 6.

¹¹ Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда. Санкт-Петербург: [б. и.], 1896. Вып. 1. С. 3.

¹² Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Историческое обозрение Симбирска от первых времен его до возведения на степень губернского города. Москва: Синод. тип., 1871. С. 61.

¹³ Смолин В.Ф. Болгарский город Бряхимов // Отгиск из ИОАИЭ. 1925. Т. 33. № 1. С. 143–144.

¹⁴ Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3 / отв. ред. А.Г. Ситдинов, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. (2759). С. 320.

¹⁵ Аксенова Н.Д., Ефимова Н.Д., Мухаметшин А.М., Хлебникова Т.А. Исследование городища «Великие Болгары» // Древности Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ, 1977. С. 57.

¹⁶ Калинин Н.Ф. Отчет об археологической экспедиции по долине р. Казанки в 1945 г. // ИА АН. Ф-1. Р-1. № 33. С. 37.

¹⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / отв. ред. А.П. Смирнов. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 83. (МИА. № 111).

¹⁸ Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. Москва: АН СССР, 1961. С. 151. (МИА. № 95).

¹⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году // Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. № 19. С. 84–85, 90–91.

²⁰ Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. С. 36–66.

²¹ Там же. С. 65–66.

²² Руденко К.А. Язычество и ислам в Среднем Поволжье в XI–XIV вв. (анализ археологических данных). С. 121.

²³ Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии. С. 214–221.

²⁴ Измайллов И.Л. Соотношение ислама и язычества в искусстве Волжской Булгарии: критический обзор методик анализа и концепций. С. 170.

²⁵ Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии. С. 216–217.

²⁶ Там же. С. 217.

²⁷ Там же. С. 219–220.

²⁸ *Березовская К.А.* Предметы религиозного культа булгар из собрания Чувашского национального музея // Государственность восточных булгар IX–XIII вв. Чебоксары: Таус, 2012. С. 104–107.

²⁹ *Березина Н.С., Харитонова В.Г., Ефремова Д.Ю.* Предварительные итоги изучения болгаро-чувашского Шинерпосинского святилища в округе Чебоксары (по материалам этнографии и археологической разведки) // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 56–65; *Березина Н.С., Михайлов Е.П., Харитонова В.Г.* К вопросу о болгарских-древнечувашских святилищах // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 75–82; *Ефремова Д.Ю., Харитонова В.Г., Березина Н.С.* Древние чувашские и марийские святилища: опыт сравнительного анализа // Чуваши и марийцы-соседи по «общему дому». Чебоксары: ЧГИГН; МарНИИЯЛИ, 2019. С. 73–83.

³⁰ *Ефремова Д.Ю. и др.* Древние чувашские и марийские святилища: опыт сравнительного анализа. С. 78.

³¹ *Каганкатваци Моисей.* История агван. Санкт Петербург: Императ. Акад. наук, 1861. С. 199–200.

³² *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии / Институт истории и Институт Востоковедения Академии наук СССР. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. С. 79–80.

³³ Там же. С. 81–82.

³⁴ Там же. С. 72.

³⁵ *Юргевич В.Н.* Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолу и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 1002.

³⁶ *Абдуллин Х.М., Габдрахманова Г.Ф.* Культ святых и паломнические традиции у народов Волго-Уральского региона в досоветское время // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 1. С. 21.

³⁷ *Смирнов К.А.* Святилище в урочище Ага-Базар // МИА. 1958. № 61. С. 457–458.

³⁸ *Клавихо Р.Г.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 гг. Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук, 1881. С. 342.

³⁹ *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 582.

⁴⁰ *Рычков П.И.* Опыт казанской истории древних и средних времен, сочинен Петром Рычковым статским советником, Санктпетербургской Императорской Академии наук корреспондентом и Вольного экономического общества членом. Санкт-Петербург: При Императ. Академии наук, 1767 С. 129–130.

⁴¹ *Лызлов А.И.* Скифская история. Санкт-Петербург: [б. и.], 1776. Ч. 1. С. 77.

⁴² *Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Языческие святилища древних славян. Москва: Ладога-100, 2007. С. 25.

⁴³ Там же. С. 89.

⁴⁴ Там же. С. 89.

⁴⁵ *Draganits E., Preh A.* Römisches Gräberfeld von Halbturn: Überlegungen zum Volumen und Verwendungszweck der entnommenen Erde aus den Begrenzungsgräbchen der Grabgärten // Das kaiserzeitliche Gräberfeld von Halbturn. Teil 1: Archäologie, Geschichte und Grabbrauch. Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2014. Abb. 5. С. 285.

⁴⁶ *Губайдуллин А.М.* Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология евразийских степей. 2019. № 3. С. 40–41.

⁴⁷ Там же. С. 41.

⁴⁸ *Руденко К.А.* Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам). С. 61.

⁴⁹ *Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А.М.* Укрепления города Биляра и городища его округи как система обороны административно-политического центра Волжской Булгарии // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 133–143; *Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш.* Комплексные исследования Билярской археологической экспедиции // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 87–91.

⁵⁰ Вафина Г.Х., Овечкина Л.В., Шакиров З.Г. Результаты топографо-геодезических и картографических работ в округе Билярского городища // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 331.

⁵¹ Там же; Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш. Комплексные исследования Билярской археологической экспедиции. С. 87–91.

⁵² Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3 / отв. ред. А.Г. Ситдилов, Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 2007. (№ 850). С. 116; Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. С. 355–356; Старостин П.Н. Памятники именниковской культуры. Москва: Наука, 1967. 95 с.

⁵³ Березин И.Н. Булгар на Волге. Казань: Тип. Ун-та, 1853. С. 20–21.

⁵⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 113. Ед. хр. 281. Л. 1 об.

⁵⁵ Ашмарин Н.И. Болгары и чуваш. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1902. С. 20–21; Березин И.Н. Булгар на Волге. С. 20–21.

⁵⁶ Ашмарин Н.И. Об одном мусульманском камне в загородном архиерейском доме // ИОАИЭ. 1905. Т. 21. № 1. С. 104–106.

⁵⁷ Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 14.

⁵⁸ Свод памятников археологии Республики Татарстан. С. 116.

⁵⁹ Там же; Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш. Комплексные исследования Билярской археологической экспедиции. С. 90–91.

⁶⁰ Археологическая карта Чувашской Республики / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; науч. ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. С. 119–121.

⁶¹ Федоров-Давыдов Г.А. Болгарское городище-святилище X–XI вв. // Советская археология. 1960. № 4. Рис. 5, 8.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 53. Рис. 3.

⁶⁴ Седов В.В. Древнерусское языческое святилище в Перыни // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1953. № 50. С. 101.

⁶⁵ Смирнов А.П. Археологические исследования в Чувашии в 1958–1959 годах // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чувашкинигоиздат, 1964. Вып. XXV. С. 25.

⁶⁶ Михайлов С. Дворцовата църква в Плиска // Известия на Археологическия институт. 1955. Вып. XX. С. 241, план 5.

⁶⁷ Коматарова-Балинова Е., Флёров В.С. Языческие храмы Первого болгарского царства и Хазарского каганата // Восточная Европа в древности и Средневековье. 2021. Т. 33. С. 123–130.

⁶⁸ Албегова З.Х., Гусаков М.Г. Культурное назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. 2001. С. 124–130. Рис. 3.

⁶⁹ Матвеев Г.Б. Традиционное мировоззрение чувашей в контексте урало-алтайской мифологии: представления о пространстве и времени // Чувашский гуманитарный вестник. 2019. № 14. С. 66.

⁷⁰ Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. Москва: Наука, 1980. С. 85.

⁷¹ Родионов В.Г. Эволюция пространства внутреннего жилища чувашей и их предков // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 138.

⁷² Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Чебоксары. Городище Тигашево: отчет, полевой дневник № 11, заключение I отряда ЧАЭ – 1959 г. Отд. II. Ед. хр. 583. Инв. № 1632-2.

⁷³ Коваль В.Ю. Валы и рвы Тигашевского городища // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 298.

⁷⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Болгарское городище-святилище X–XI вв. С. 125. Рис. 4; Его же. Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 г. С. 52, 54.

⁷⁵ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 583. Инв. № 1632-2.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Болгарское городище-святилище X–XI вв. Рис. 4.

⁷⁸ НА ЧГИГН. Чебоксары. Полевые чертежи Тигашевского городища. I отряд ЧАЭ – 1959 г. Отд. II. Ед. хр. 584. Инв. № 1612. Л. 17.

⁷⁹ Там же. Л. 3, 17.

- ⁸⁰ Там же. Л. 5, 20, 38.
- ⁸¹ *Березин А.Ю.* К характеристике I этапа функционирования средневекового болгарского Тигашевского городища: первое болгарское святилище // Историк и время: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося чувашского историка Василия Дмитриевича Дмитриева (Чебоксары, 28 марта 2024 г.) / сост. и отв. ред. В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 124–139; *Его же.* Булгарские средневековые астрономические календари на кольцевых городищах-святилищах // Славяно-тюркский мир: история и современность: материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной к 105-летию создания национальных автономий в РСФСР и 100-летию Чувашской АССР (Чебоксары, 25–27 июня 2025 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2025. С. 93–103.
- ⁸² *Березин А.Ю.* К характеристике I этапа функционирования средневекового болгарского Тигашевского городища: первое болгарское святилище. С. 129–130.
- ⁸³ Там же. Рис. 2, 4.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 559.
- ⁸⁶ *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 г. С. 90–91.
- ⁸⁷ *Федоров-Давыдов Г.А.* Болгарское городище-святилище X–XI вв. С. 123–124. Рис. 3.
- ⁸⁸ *Трофимов А.А.* Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 108, 155.
- ⁸⁹ *Руденко К.А.* Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам). С. 61.
- ⁹⁰ *Трофимов А.А.* Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. С. 155.
- ⁹¹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.). Рис. 2, 4; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 587. Инв. № 1651. Л. 24, 36.
- ⁹² *Березин А.Ю.* К характеристике I этапа функционирования средневекового болгарского Тигашевского городища: первое болгарское святилище. С. 134–136. Рис. 5.
- ⁹³ *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.). С. 54; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 583. Инв. № 1632-2. Л. 11.
- ⁹⁴ *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.). С. 84.
- ⁹⁵ *Коваль В.Ю.* Валы и Рвы Тигашевского городища. С. 295.
- ⁹⁶ Там же. С. 297, 308. Рис. 4.
- ⁹⁷ Там же. С. 297.
- ⁹⁸ *Федоров-Давыдов Г.А.* Болгарское городище-святилище X–XI вв. С. 127. Рис. 6.
- ⁹⁹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.). С. 59.
- ¹⁰⁰ *Березин А.Ю.* Булгарские средневековые астрономические календари на кольцевых городищах-святилищах. С. 93–103.
- ¹⁰¹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Болгарское городище-святилище X–XI вв. С. 132–133. Рис. 9.
- ¹⁰² *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.). С. 67.
- ¹⁰³ *Федоров-Давыдов Г.А.* Болгарское городище-святилище X–XI вв. С. 132–133. Рис. 9.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 132.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ *Федоров-Давыдов Г.А.* Болгарское городище-святилище X–XI вв. С. 133; *Его же.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.). С. 67. Рис. 10.
- ¹⁰⁷ *Федоров-Давыдов Г.А.* Болгарское городище-святилище X–XI вв. С. 133.
- ¹⁰⁸ *Федоров-Давыдов Г.А.* Булгарский феодальный замок X–XII вв. // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. Вып. XVI. С. 215–217.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 216.
- ¹¹⁰ *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.). С. 68. Рис. 12.
- ¹¹¹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Болгарское городище-святилище X–XI вв. С. 135–136.
- ¹¹² *Федоров-Давыдов Г.А.* Булгарский феодальный замок X–XII вв. С. 217–218.
- ¹¹³ *Березина Н.С. и др.* К вопросу о болгарских-древнечувашских святилищах. С. 77.

¹¹⁴ Бисенбаев А.К. Мифы древних тюрков. URL: https://web.archive.org/web/20110808155442/http://www.eurasica.ru/articles/library/ak_bisenbaev_mify_drevnih_tyurkov/5. (дата обращения 10.11.2025).

¹¹⁵ Гриднева М. Демонизация божеств: влияние христианского дуализма на тюрко-монгольскую и финно-угорскую религиозно-мифологические системы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. Т. 42. № 2. С. 124.

¹¹⁶ Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Ак чечек, 1993. С. 122.

¹¹⁷ Березин А.Ю. Булгарские средневековые астрономические календари на кольцевых городищах-святилищах. 2025. С. 93–103.

¹¹⁸ Гусаков М.Г. Днепровские городища-святилища лесной полосы (опыт археоастрономии) // Практика и теория археологических исследований: труды отдела охранных раскопок / ред. А.С. Смирнов. Москва: Ин-т археологии РАН, 2001. Т. 1. С. 132–149.

¹¹⁹ Березин А.Ю., Березина Н.С., Михайлов Е.П., Мясников Н.С., Хамзин Р.Н. Итоги археологических раскопок Большетаябинского городища и могильника в 2018 году // Чувашская археология: сборник статей / науч. ред. Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. Вып. 4. С. 45–197.

¹²⁰ Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Фортификация цитадели Болгара // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 13.

¹²¹ Хлебникова Т.А. Исследования центра города Болгара в 1964–1970 гг. // Города Поволжья в средние века / ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. Москва: Наука, 1974. С. 18–23. Рис. 2; Рис. 3А.

¹²² Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. Казань: Казанская недвижимость, 2015. С. 18.

¹²³ Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Фортификация цитадели Болгара. С. 8–21.

¹²⁴ Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. Москва: Наука, 1987. С. 106.

¹²⁵ Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В., Данильченко А.И. Раскоп СХСІХ // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Казанская недвижимость, 2016. С. 17.

¹²⁶ Бадеев Д.Ю. Улицы средневекового Болгара // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 24–35; Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Фортификация цитадели Болгара. С. 8–21; Ситдииков А.Г. и др. Болгар и Свияжск. С. 13–14.

¹²⁷ Березин А.Ю. Булгарские средневековые астрономические календари на кольцевых городищах-святилищах. С. 93–103.

¹²⁸ Губайдуллин А.М. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 109–110; Его же. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. С. 64. Рис. 73.

¹²⁹ Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Фортификация цитадели Болгара. 2021. С. 14.

¹³⁰ Березин А.Ю. Булгарские средневековые астрономические календари на кольцевых городищах-святилищах. С. 93–103.

¹³¹ Бадеев Д.Ю. URL: <https://archaeolog.ru/expeditions/expeditions-2025/bolgarskiy-otryad-2025> (дата обращения: 22.11.2025).

¹³² Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 6.

¹³³ Hensel W. Słowianszczyzna wczesnosredniowieczna: zarys kultury materialnej. Państwowe Wydawn. Naukowe, 1956. S. 298.

¹³⁴ Седов В.В. Писанки // Славяне и их соседи: Археология, нумизматика, этнология / под ред. А.А. Егорейченко. Минск: Веды, 1998. С. 81–82.

¹³⁵ Боровский Я.Е. Мифологический мир древних киевлян. Киев: Наук. думка, 1982. С. 74.

¹³⁶ Седов В.В. Писанки. С. 85. Рис. 1.

¹³⁷ Бадеев Д.Ю. URL: <https://archaeolog.ru/expeditions/expeditions-2025/bolgarskiy-otryad-2025> (дата обращения: 22.11.2025).

¹³⁸ Белагин А.М., Оборин В.А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в XXIII вв. // Волжская Булгария и Русь. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 68. Рис. 2: 6; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские

материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь. С. 103. Рис. 2: 21, 32; С. 109–110. Рис. 3: 13, 14; *Беговатов Е.А., Казаков Е.П.* Находки средневековых славяно-русских изделий в низовьях Камы // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 105. Рис. 1: 2.

¹³⁹ *Елкина И.И.* Мавзолей XIV века в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 140.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. С. 143.

¹⁴² *Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г., Старков А.С.* Археологические исследования Болгара и Свияжска. Казань: [б. и.], 2013. С. 7.

¹⁴³ *Полубояринова М.Д.* Жилища Болгара // Город Болгар: жилища и жилая застройка / отв. ред. А.Г. Ситдииков. Москва: Наука, 2016. С. 81.

¹⁴⁴ Там же. С. 26–27.

¹⁴⁵ *Петренко А.Г.* Osteологические остатки животных из Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Москва: Наука, 1988. С. 266.

¹⁴⁶ *Полубояринова М.Д.* Жилища Болгара. С. 58–59.

¹⁴⁷ Там же. С. 59.

¹⁴⁸ *Смирнов А.П.* Волжские булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. Москва: ГИМ, 1951. С. 203–204. Табл. VII. Рис. 131.

¹⁴⁹ *Седов В.В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1957. № 68. С. 22–23. Рис. 6: 1.

¹⁵⁰ *Белинский И.В., Масловский А.Н.* Раскопки в г. Азове по улице Толстого в 2000 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17 / отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского краевед. музея, 2001. С. 43–44.

¹⁵¹ *Седов В.В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. С. 20–27.

¹⁵² *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. С. 263.

¹⁵³ *Седова М.В.* Суздаль в X–XV веках. Москва: Русский мир, 1997. С. 207, 208.

¹⁵⁴ *Курбатов В.А.* Истоки строительных «прикладов» в Западной Сибири // Археология Севера России: Югра-волость Новгорода Великого в XI–XV вв.: Свод источников и исследований. Сургут: Ин-т археологии Севера, 2018. С. 24.

¹⁵⁵ *Бадеев Д.Ю., Яворская Л.В.* Охота как традиционное занятие горожан Золотой Орды (по материалам раскопок в центральной части средневекового Болгара) // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей. Улан-Удэ: Бурятский науч. центр Сибирского отделения РАН, 2019. С. 19.

¹⁵⁶ *Салмин А.К.* Собака в традиционных представлениях чувашей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 126.

¹⁵⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 348–349.

¹⁵⁸ *Салмин А.К.* Традиционные обряды и верования чувашей. Санкт-Петербург: Наука, 2010. С. 191–192, 194.

¹⁵⁹ *Смирнов К.А.* Святылище в урочище Ага-Базар. С. 451–452.

¹⁶⁰ Там же. С. 454.

¹⁶¹ Там же. С. 457.

¹⁶² Там же. С. 453.

¹⁶³ Там же. С. 454.

¹⁶⁴ *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. Москва: Наука, 1980. С. 178–180.

¹⁶⁵ *Бобринский А.А.* О назначении средневековых гончарных клейм (этнографические заметки) // Вестник «История керамики». 2019. № 1. С. 13–14.

¹⁶⁶ *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике. С. 205.

¹⁶⁷ *Смирнов К.А.* Святылище в урочище Ага-Базар. Рис. 3, 4.

¹⁶⁸ *Майко В.В.* Граффити на амфорах Юго-Восточного Крыма VIII–начала XI вв // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Бібліотека Vita Antiqua. 2012. С. 31.

¹⁶⁹ *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике. С. 174.

- ¹⁷⁰ ИА АН. Ф-1. Р-1. № 33. 1945. С. 12–13.
- ¹⁷¹ *Гарайева Л.И.* Археологические исследования памятников XVI–XVII вв. на территории Республики Татарстан в 1992–2005 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 163.
- ¹⁷² ИА АН. Ф-1. Р-1. № 33. 1945. С. 13.
- ¹⁷³ Там же. С. 11.
- ¹⁷⁴ *Останина Т.И.* Арские удмурты по археологическим данным // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 1. С. 125.
- ¹⁷⁵ *Березина Н.С. и др.* Предварительные итоги изучения болгаро-чувацкого Шинер-посинского святилища в округе Чебоксары (по материалам этнографии и археологической разведки). С. 56–65; *Березина Н.С. и др.* К вопросу о болгарских-древнечувацких святилищах. С. 75–82; *Ефремова Д.Ю. и др.* Древние чувашские и марийские святилища: опыт сравнительного анализа. С. 73–83.
- ¹⁷⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Т. 154. Л. 72–74.
- ¹⁷⁷ Материалы старой чувашской веры. Собраны в некоторых местностях Казанской губернии В. Магнитским. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. С. 11.
- ¹⁷⁸ *Масанори Гото.* Историческое превращение традиционной религии чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 4.
- ¹⁷⁹ *Фомиряков Н.А.* Находки земледельческих орудий на святилище «Хёрлэ сыр» // Государственность восточных болгар IX–XIII вв. Чебоксары: Таус, 2012. С. 289–290; [*Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф., Кузьминых С.В. и др.*] Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. Москва: Наука, 1985. С. 18–23. Таб. III, IV; *Белорыбкин Г.И.* Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2003. С. 55. Рис. 26; С. 57. Рис. 29–30.
- ¹⁸⁰ *Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Языческие святилища древних славян. С. 153.
- ¹⁸¹ Материалы старой чувашской веры. С. 10.
- ¹⁸² *Руденко К.А.* Возникновение городов в Волжской Булгарии и болгарской области Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 73.
- ¹⁸³ *Ахмедов Р.М.* Значение религиозного фактора в консолидации древнего общества // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 39.
- ¹⁸⁴ *Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. С. 16–17.
- ¹⁸⁵ *Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань: Астраханский ун-т, 2007. С. 9–17.
- ¹⁸⁶ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: от древности к новому времени. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2009. 3-е изд., исправл. и доп. С. 275.
- ¹⁸⁷ *Масловский А.Н.* Язычество в золотоордынском Азак: археологические данные о веротерпимости // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 194.
- ¹⁸⁸ *Алексеев И.Е.* Православие в Волжской Булгарии, болгарских землях в составе Золотой Орды и Казанском ханстве как исторический феномен. URL: https://ruskline.ru/analitika/2014/02/05/pravoslavie_v_volzhskoj_bulgarii_bulgarskih_zemlyah_v_sostave_zolotoj_ordy_i_kazanskom_hanstve_kak_istoricheskij_fenomen/ (дата обращения: 25.11.2025).
- ¹⁸⁹ *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 162.
- ¹⁹⁰ *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана / авт. предисл. М.Ш. Шаймиев. 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. С. 76.
- ¹⁹¹ *Литвинов В.П.* Реликты языческих верований в исламском «культе святых» // Исламоведение. 2019. Т. 10. № 3. С. 61–69.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Историография проблемы, источники и методика исследования	5
1.1. Историография и письменные источники	—
1.2. Предмет и методы исследования святилищ и других археологических памятников, связанных с религиозным мировоззрением болгар	12
2. Кольцевые городища Волжской Булгарии X–XIII вв.	16
2.1. Святилища Билярской агломерации археологических памятников X–XIII вв.	—
2.2. Тигашевское городище-святилище «Хула вырăнĕ» X–XI вв.	20
2.3. Ранний кольцевой ров Большетаябинского городища X–XI вв. ...	38
2.4. Ранний ров и «citadel» Булгарского городища X–XI вв.	40
3. Святилища и другие культовые места Булгарской агломерации археологических памятников X–XIV вв.	43
3.1. Кольцевой ров под руинами южного мавзолея конца XIII – начала XIV в. в г. Болгаре	—
3.2. «Строительные жертвы» в домах г. Болгара XI–XIV вв.	44
3.3. Круглоплановое кольцевое святилище Ага-Базар середины XIV – начала XV в.	50
4. Святилища «жертвенные комплексы» Арской земли XII–XV вв.	53
5. Святилища в Чувашском Поволжье XIII–XIV вв. и преемственность болгарских и чувашских культовых памятников традиционной веры .	55
Заключение	60
Литература и источники	63

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады

Выпуск 43

БЕРЕЗИН Александр Юрьевич

**Булгарские культовые памятники
традиционной веры X–XV вв.
(кольцевые городища, святилища,
«строительные жертвы»)**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2025 год

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Подписано к печати 4.02.2026. Формат 60х84¹/₁₆
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 4,18. Уч-изд. л. 4,14.
Заказ № 4. Тираж 50 экз.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1